

ЮРИЙ СКУБКО

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАПИСКИ
БЫВШЕГО ДИССИДЕНТА**

Москва 2012

Юрий Сергеевич Скубко.

Литературные записки бывшего диссидента.-М.,-2012

Ответственный редактор –
Светлана Васильевна Феокистова

Настоящий сборник рассказов представляет собой первый литературный опыт старшего научного сотрудника Института Африки РАН Юрия Сергеевича Скубко. В большинстве произведений (рассказы «Школа молодых ученых», «Феодальное королевство», «Международный книгообмен», «Курортный роман» и «Нет России без чудиков») автор выступает от имени своего литературного героя, Юрия Сергеева. Это первая часть сборника. Во второй приведены выдержки из некоторых ранее опубликованных работ Ю.С. Скубко. Это – «Заметки по истории ДС – первой оппозиционной партии в СССР». М.,1995, и две последних научных монографии: «Очерк истории южноафриканской живописи». М., 2006 и «ЮАР на пути к экономике знаний: наука, университеты, инновации».М., 2011.

ISBN 978-5-9903389-1-3

©Ю.С. Скубко, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия (об авторе)	4
---	---

Часть первая. Рассказы

Школа молодых ученых	7
Феодальное королевство	11
Международный книгообмен	17
Нет России без чудиков	22
Курортный роман	26
К юбилею путча	37
Детонатор исламских революций	42

Часть вторая. Отрывки из опубликованных книг

Оппозиционная партия (из «Заметок по истории ДС – первой оппозиционной партии в СССР»)	47
Магия искусства (из «Очерка истории южноафриканской живописи»)	58
Из первого мира в третий (из монографии «ЮАР на пути к экономике знаний: наука, университеты, инновации»)	71

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ОБ АВТОРЕ

Родился в 1953 г. в Москве в семье художников-живописцев (Сергей Скубко и Людмила Скубко-Карпас), но художником не стал.

В 1970 г. окончил 20-ю английскую спецшколу. В 1970-1975 г. учился в МИНХ имени Г.В.Плеханова, где закончил факультет экономики промышленности. После отличной школы институт не впечатлил.

В 1975 г. поступил в аспирантуру Института Африки АН СССР, а затем пятнадцать лет, с 1976 по 1990 г. работал в этом институте (последние 8 лет научным сотрудником в дружном и благодатном для творчества коллективе сектора Юга Африки).

В 1980г. защитил кандидатскую диссертацию по экономике ЮАР и на ее основе подготовил монографию «Новые явления в экономике ЮАР» (М., «Наука» 1985г.). Был еще ряд работ. В советский период работы в Институте Африки много ездил по стране с лекциями от общества «Знание», сам набирался знания жизни. Во второй половине 80-х на волне перестройки из тайного оппозиционера (читал и распространял самиздат) стал явным и включился в демократическое движение против коммунистического тоталитаризма. Участвовал в создании нескольких неформальных организаций, от умеренных до радикальных:

- клуба «Перестройка» в ЦЭМИ АН СССР;
- более оппозиционного клуба «Перестройка-88»;
- инициативной группы «Мемориал» (затем историко-просветительское и правозащитное общество);
 - партии «Демократический Союз» (социал-демократическая фракция), открыто выступившей за изменение существующего строя. Строй, правда, изменили не мы, а сама партократия (изрядная часть номенклатуры вместе с верным помощником комсомолом и бывшими ворами прыгнули в капитализм).

Поехал туда, куда раньше не пускали. В 1993-1996 гг. учился в докторантуре Сорбонны (славянский факультет). На избранную для исследования тему («Создание первых демократических организаций и партий в СССР в период перестройки») опубликовал в 1995-1997 гг. серию статей в парижском журнале «Les Etudes Slaves», а также небольшую книжку в Москве: «Заметки по истории ДС – первой оппозиционной партии в СССР» (М., «Свободное слово», 1995г.). Много путешествовал (Австрия, Франция, Англия, Бельгия, Германия, Израиль, Ливан). Все больше одолевала ностальгия, тяготила чужая среда. Иллюзии относительно западной свободы и демократии рассеялись в зарегулированном и манипулируемом обществе биороботов.

Вернувшись из Франции в Россию в 1997 г., поработал до 2005 г., благодаря рекомендациям старого товарища, ставшего крупным чиновником, на госслужбе: в Минтруде, Минспорттуризме, Минкультуре и Минприроды с перерывом на контракт в Китае, где состоял в 2001-2002 гг. в Туманганском секретариате Программы развития ООН координатором программ по туризму (Китай приятно поразил дешевизной жизни, работа в международном коллективе была интересной); слетал из Пекина в Японию и наш Владивосток, где наконец повидал родню по отцу, родившемуся в Приморье в казачьем селе. Был общественным помощником нескольких депутатов Госдумы.

Из всех пройденных ведомств лучшие воспоминания, ощущение непрерывного праздника от фейерверка культурных мероприятий и общения с доброжелательными интеллигентными

людьми оставило министерство культуры (проработал год начальником отдела стран Востока). Худшие – министерство природных ресурсов, запомнившееся (конечно, здесь трудно быть объективным) как настоящий серпентарий, где все норовили тебя, да и друг друга ужалить. Правда, и за это благодарен, съездил от Минприроды в командировку в ЮАР.

Отвращение к сложившейся в нашей стране системе власти, криминально-олигархическому переделу и тотальной коррупции побудили автора уйти подальше от политики, а затем и госслужбы в сугубо частную жизнь. Постепенно вернулся в науку (еще работая в Минкультуры начал писать искусствоведческую диссертацию).

С 2005 г. возобновил, по контракту, работу в Институте Африки (Центр исследований Юга Африки). В 2006 г. защитил кандидатскую диссертацию по искусству ЮАР и в том же году доработал ее в монографию «Очерк истории южноафриканской живописи» (М., Институт Африки РАН).

С января 2007 г. по настоящее время – старший научный сотрудник Центра исследований Юга Африки. В 2011 г. выпустил новую монографию «ЮАР на пути к экономике знаний: наука университеты, инновации» (М., Институт Африки РАН). Последние две монографии написаны свободнее, менее научно-образно, чем прежние работы.

С годами потянуло на художественное слово. Настоящие «Записки» – первый литературный опыт автора (в приложении даны также несколько наименее скучных отрывков из опубликованных ранее книг). Часть рассказов подписана псевдонимом Юрий Сергеев – сподручней говорить не от себя, а от имени литературного героя.

Юрий Сергеев

ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Было это не скажу в каком году, но еще не в самом конце советской власти. Я приехал в Тбилиси на школу молодых ученых и сюрпризы начались с вокзала. Огромный транспарант над вокзальной площадью вместо привычного «Слава КПСС!» гласил: «ПИВО – ВКУСНЫЙ И ПОЛЕЗНЫЙ НАПИТОК!». Поезд пришел глубокой ночью и не было шансов добраться до пригородного лагеря «Спутника», где намечалось мое мероприятие, на каком-то общественном транспорте. Остановившееся такси уже имело на борту пассажира и таксист сказал, что сначала отвезет его, потом меня. С первым пассажиром он обращался с подчеркнутым респектом и когда тот вышел, я поинтересовался, что это за персона. Ответ был не менее чудным, чем плакат на площади: «ЭТА КАРМАННИК ПРЫЭХАЛ ПА СВАИМ ДЭЛАМ!». То был намек судьбы: встреча с карманником оказалась для меня не последней.

Комсомольско-молодежный лагерь, принимавший нашу всесоюзную школу (конференцию для аспирантов, молодых ученых, в основной массе лет от 25 до 35), располагался на берегу живописного озера. Вообще старый Тбилиси впечатлял – ряды за рядами каких-то фантастически окрашенных в желто-фиолетовые тона маленьких домиков в обрамлении буйной зелени.

Нам, как я вскоре узнал, отдали под школу целый этаж с двухместными номерами в хорошем современном гостиничного типа корпусе: размещайтесь как хотите и делайте что хоти-

те. Я приехал под три ночи, но никто не спал. Пели, танцевали, пили до одурения прекрасное грузинское вино (дорвались после привычных российских «чернил»). Хозяйничала молодежь. Удивляло отсутствие мэтров старшего поколения. Обычно некоторое их количество участвует в таких школах, демонстрируя передачу научных знаний юным дарованиям. Вероятно, профессуру уже пригласили на хорошее застолье грузинские коллеги, и там состоялась демонстрация эффекта Мессинга по произвольному вхождению в состояние каталепсии.

Дежурившая за административным столиком молодая ученая одного из солидных московских академических институтов – организатора школы, была уже очень весела от местной животительной влаги, которой отдавали дань и Пушкин и Лермонтов и Грибоедов. «Юра, – сказала она мне (мы были знакомы, поскольку я получал у нее в Москве какие-то бумаги для поездки), – я тебя подселю к классной девчонке!».

Нужно сказать, что серьезный настрой грызть гранит науки был не у всех, а если и был, то почему бы молодежи не совместить дело с потехой. Ну, я-то приехал просто развеяться перед защитой кандидатской, которая состоялась через месяц. У меня уже и сам «диссер» был давно готов и все необходимые публикации были, и участия в конференциях, и предзащиту прошел, так что «гуляй, рванина, от рубля и выше».

Так вот, я, еще до неприличия трезвый, конечно несколько одурел от неожиданного предложения, но отказываться, естественно, не стал и пошел в указанный номер. Познакомился с лежавшей в сладкой полудреме в одной из постелей симпатичной девушкой и выскочил, оставив вещи, под предлогом оформления документов. На самом деле я, как говорят в народе, рванул за бухлом, потому что в свои тогдашние 27 лет был еще слишком застенчив, наверное из-за малого для формирования настоящей мужской развязности сексуального опыта (он уже был, конечно, в условиях изобилия секса в позднем СССР, но в основном я учился, учился и учился), и без стакана сразу приступить к телу не решился. Раздобыл, по подсказке, бутылку

вина и заодно оформил командировочные бумаги (никто не мешал дураку сделать это утром). Драгоценные минуты были упущены и когда я вернулся к номеру, мои вещи были уже вышвырнуты в коридор, номер заперт и девчонку пользовал более проворный соперник. Днями позже мне повезло больше. К моему коллеге из Питера, с которым меня, в конце концов, поселили, по ночам приходила девушка, тоже, конечно, участница нашей школы жизни, внучка одного, не буду говорить насколько крутого московского академика. Когда ее друг, ранним утром последнего дня, ушел по-английски в сторону вокзала, оставив даму мирно спящей в своей постели, а я, проснувшись попозднее и оценив ситуацию, принял, как джентльмен, душ и подошел к ней, она не возражала...

Отчитав на второй или третий день свой доклад, а точнее небольшую импровизацию на основе уже опубликованных тезисов, я больше париться на школе не стал и, искупавшись в озере, пошел шляться по городу. Его красоту я уже отметил (еще можно помянуть по-царски роскошные бани на горячих источниках). Грешным делом заглянул в один из винных погребков, где, по уверению хозяина, пил кахетинское сам Лермонтов. В лавках было полно дефицитного по московским меркам товара, недешевого, правда. Хозяева ласково зазывали. Вся мелкоторговая сфера была уже реально приватизирована и человек числился директором магазина или кафе, а на деле был владельцем. «Дарагой!,- услышал я призывный голос,- у мина как раз на тибя жинсовий кастум ест». Я сказал, что у меня мало денег и был сопровожден снисходительным: «Дажи сто-двэсти рублээй нэт! Так луды живут, да?» Быть то они были, но не тратить же последние. И потом я не был уверен, что не подсунут, так сказать, фуфло. Лучше бы взял!

Добрел до какого-то рынка, где, конечно, впечатлился богатством даров южной природы. Большая часть фруктов была дороговата для моего кармана, но вот я заметил, что чем-то бойко торгуют прямо с борта грузовика (кажется, это были мандарины) и народ быстро налетает на явно доступный по

цене товар. Я вступил в ряды этого народного фронта, и дождавшись своей очереди, расплатился, сунул кошелек в карман куртки и принял фрукты с борта. Двух секунд было достаточно для того, чтобы кошелек исчез. Вор мигом нырнул в толпу. Не зря таксист так уважительно разговаривал с настоящим мастером своего дела. Денег не осталось вообще, а надо было еще покупать обратный билет (жили и ели мы бесплатно, но за дорогу платили, впрочем, сущую мелочь по сравнению с нынешней грабилькой).

Я уныло поплелся к начальнику милиции рынка, прекрасно понимая, что никаких концов никто уже не найдет. Начальник, помню, что звали его Акакий, в отличной форме со всеми регалиями величественно восседал, почесывая массивный живот, под громадным, во всю стену, портретом Сталина. Перед ним стояла вереница торговков, вероятно соблюдавших принцип Лифшица: «делиться надо». Шеф сил правопорядка отечески наставлял подопечных на грузинско-русском, с непринужденным вкраплением всемирно известного ненорматива. В голосе явственно ощущалась высокая требовательность и принципиальность. И непреклонность: «Акакий, можина я скажу?, – Нэт, ти малчи, пилад, лючше мина паслюшай – умнэй будиш!». Окончив тираду, начальник обратил свой взор на бедного растяпу и я поведал ему свою беду: мол, мне и в Москву теперь вернуться не на что. Покачав сочувственно головой, он решительно повернулся к одной из пожилых тружениц мелкого бизнеса и произнес: «Бабка, давай иму сто рублиэй!». Бабка стала рыться в фартуке и, злобно глядя на меня, вложила в мои руки, десятку за десяткой, ровно сто рублей. Молодой ученый был спасен!

ФЕОДАЛЬНОЕ КОРОЛЕВСТВО

Почему феодальное не помню, наверное, просто слово понравилось. Я тогда уже много читал книжек по истории, но понимал в ней еще мало. Сейчас тоже немного. Феодальное королевство Соколовой Пустыни, где я был монархом, продержалось года три, между моим десяти и тринадцатилетием. После тринадцатилетия безумно любивший меня и во всем потакавший мне дедушка (моя ответная любовь была слабее и эгоистичнее) стал болеть и потом умер. Королевства не стало. Детство закончилось.

В первый раз в Соколовку мы приехали всем семейством (мне семь лет, брату два, плюс родители) в кузове грузовика в грозу, прыгая по разухабистой грунтовке, году в 61-м. Сняли комнату или две у бабки Лукерьи. Она днем покупала водку в магазине. А по ночам продавала ее с прибылью страстотерпцам, в основном из соседнего Дома отдыха. Самый отдых там начинался с вечерних танцев, т.е. после закрытия магазина, а припасенной водки всегда не хватало. Стучали ночами во все окна. Родители вежливо посылали в нужное окно, а безумная сестра Лукерьи, Полина, любила окатить жаждущих живительной влаги мочой из своего горшка.

Родители снимали комнатки на лето то здесь, то там по всему Подмоскovie, хотелось где-то осесть на чем-нибудь своем. И вот знакомые, как и мои родители, художники, Борис и Ирина, обзавелись домиком в Соколовке, тогда тихой живописной деревушке (условной деревушке – почти все взрослое население работало в близлежащем Ступино на военном заводе) среди сосен и холмов на берегу Оки. Вслед за ними приехали присмотреться и папа с мамой. Заиметь дачу или домик в деревне

было тогда безумно трудно – на пути к коммунизму шла борьба с частнособственническими пережитками. Борису помог брат, работавший на ступинском заводе – завод был владыка этих мест, под него в конце 30-х ээки построили и сам город. Моим родителям пришлось искать обходные пути. Присмотрели инвалида, Колю Кривого, жившего в полусгнившей избе с прохудившейся крышей (пенсия 13 рублей, с приближением светлого будущего повысили аж до 21-го: выручала корова, которую доила и выгуливала соседка) и заключили с ним договор – за ремонт дома, новую крышу и фундамент он отдает полдома и пол участка. Точнее участка как такового не было – был поросший бурьяном холм вдоль оврага. Сделку стоимостью до 600 рублей мог утверждать сельсовет (надежд на утверждение городом практически не было) – под это и подвели. Поскольку отец как член КПСС не мог стремиться к приобретению частной собственности, записали все на беспартийную маму. Все животные были равны, но некоторые – равнее других. Партноменклатуре не возбранялось иметь собственные дачи. Как-то одноклассник (а я учился в английской спецшколе, где был одним из немногих детей простых смертных) пригласил меня на дачу к своему дедушке – депутату Верховного Совета. Дачка, конечно, не чета виллам современных новых русских, но был большой двухэтажный дом, соток 20 или более участка с собственным прудом и т.п. Ни малейшей зависти я не испытывал, мы были счастливы и на своем овражке, а феодальное королевство было только у меня.

Гнилая изба рассыпалась, пришлось строить новую на новом месте. Колину часть соорудили сразу же, чтоб он мог жить. Наша часть усадьбы строилась долго, не хватало средств. Со сносимого района будущего Нового Арбата (мы жили на Старом, рядом сносили Собачью площадку с ее особняками) свезли много дармовых досок – брусков и соорудили временку, где мы и обосновались. Гордо говорю мы, потому что во всем, пусть нехотя, принимал посылно-подсобное участие: принеси-подай, стой-крась забор, копай яму, поливай. Когда я сказал, что при-

ехал на каникулы отдыхать, мама заявила мне, что в деревне тунеядцев не любят. Вообще-то я рос барчуком, в деревне пришлось ощутить суровую правду жизни, но все равно, я регулярно улетал в мир грез. Дедушка продолжал меня баловать. Приносил баночку черной икры: «Юрочка, это тебе». Мама требовала уделять равное внимание младшему брату, дед старался, но у него не получалось.

Дед много рассказывал про прежнюю жизнь – видал он в детстве и богатыря Александра третьего, гнувшего руками медные пятаки, и чахлого Николая, которого с трудом подсаживали пьяненького на автомобиль и из-за которого потом пришлось снимать фильмы про «Россию, которую мы потеряли». Говорил о своей жизни и учебе в Германии, уверяя меня в том, что я еще доживу до времени, когда свободно путешествовать по миру опять будет можно. Как-то я высказал товарищу по арбатскому двору, что лучше бы никакой революции у нас не было, жили бы гораздо лучше при царе. Потом его дед, подполковник КГБ, выговаривал маме: «Юра у вас договорится, научите его придерживать язык»; хорошо – не сталинские уже были времена. Но придерживать язык меня научили.

Строили, конечно, нанятые мастера, в основном местные, а среди них попадались настоящие умельцы на все руки. Один из них, Юра, и слесарил и столярил и печки клал, и с работы пер все, что плохо лежало. Как говорилось, если ты не воруеть на работе, ты обкрадываешь свою семью. Семью он любил и тащил в нее все. Обстроил несколько домов на своем участке в Соколовке, сдавал все возможные койки дачникам, купил двум дочерям кооперативные квартиры в Ступино.

Вспоминаю забавный случай, о котором он сам рассказывал. Юра работал на ступинском хлебозаводе и, однажды, после смены, когда хорошо выпив (там водились и спирт и эссенция), нагруженный маслом, яйцами и дрожжами, он стоял на автобусной остановке, чтобы ехать домой в Соколовку, по площади стал делать круги ментовский «козел». Видно недобрали норму по вытрезвителю и/или требовалось кого-то обчистить, чтоб

самим выпить. Стоявшего набекрень Юру заметили, и он сам, не настолько уж пьяный, чтоб ничего не замечать, заметил интерес к своей персоне. Мужик был смекалистый, прошел огонь и воду, был в лагерях (вообще в деревне из мужиков сидел где-то каждый четвертый – не зря же здесь 101-й километр). Он быстренько раздавил все содержимое своих карманов и, когда менты подъехали, по всей его одежде стекала желточного цвета жижа. Осмотрев подозреваемого в нарушении своим нетрезвым обликом общественного порядка, менты брезгливо поморщились: «куда ж его сажать, он весь козел засрет». И уехали не солоно хлебавши.

Моего старшего тезку, главного строителя нашей дачи, интересовали и отвлеченные матери, чем он сильно отличался от остальных деревенских. Часто приходил беседовать с отцом «за политику». Запомнилось его: Ну как там Сахаров?» (это я притягиваю из чуть более поздней эпохи 70-х). У нас было два хороших приемника, «Мир» и немецкий трофейный «Телефункен» 1944 года выпуска, и можно было послушать «голоса»: «Свободу», «Голос Америки», Би-Би-Си, которые не так сильно глушили, как в Москве, особенно по ночам. Это увлечение отца я по малолетству не разделял, слушал, правда Би-Би-Си на английском в учебных, так сказать, целях. Переломным был август 68-го, когда советские танки проехали по «Пражской весне» и убили у старшего поколения надежду на социализм с человеческим лицом. Тогда у нас стала собираться послушать вести «с другого берега» дачная интеллигенция – одних докторов философии отдыхало аж трое. Тогда и я стал приобщаться к «кухонному диссидентству».

Строительство нашего «роскошного имения» финансировалось по чуть-чуть много лет. На мои фантазии, однако, изыскали силы и средства. Помню как отец и его товарищ-художник Борис тащили откуда-то четыре бревна под мою королевскую башню. Башня встала на этих бревнах как избушка на курьих ножках, но с бойницами из старых печных заслонок. Шили костюмы – знакомая портниха снабжала обрезками, нашлись

даже фламандские кружева. Из куска синего шелка сделали знамя, на котором вышили золотую корону. В Соколовке отдыхало много интеллигенции и ее отпрыски охотно становились моими придворными, плюс, конечно, младший брат, виконт де Контэ. В костюмах, при шпагах, под флагом и с барабанным боем мы устраивали шествие от нашей дачи к дому скульптора Горлова в конце деревни. Горлов переехал в деревню напостоянно, он был скульптор-анималист, обжигал в печи глиняных зверушек, имел звание народного художника и служил местной достопримечательностью – к нему водили пионеров. При моем же дворе состояла его маленькая внучка. Среди придворных своим природным аристократизмом выделялся удостоенный графского титула Петя, внук известного писателя – мои манеры были более простецкими и в нашей толпе посторонние обычно его принимали за короля. Я особо не обижался, разъяснял кто есть кто, утешая себя тем, что зато я ближе к своему народу.

С деревенскими ребятами я иногда дружил, иногда дрался (как-то они долго обстреливали мою королевскую башню из рогаток), но в круг придворных они не входили, да это им было и неинтересно: книг по истории они не читали. Кого-то из малышни мама приглашала «за мороженое» посидеть попозировать. Почти всегда они что-то подворовывали. Такой уж контингент. Воровали, правда, мальчишки (один раз забрались зимой в нашу времянку и, не найдя чем поживиться, накакали в шляпу), девчонок я за этим делом не припоминаю.

По выходным многие деревенские собирались, иногда шли по деревне, и пели. Особенно хорошо пела Дунька – маячница (жена маячника), обладавшая сильным, зычным голосом, продащица здешнего сельпо. Вспоминаю забавный эпизод. Группа алкашей рвется за заветным пузырем без очереди, но Дунька их сурово осаждаёт словами: «Надо, товарищи, советскую власть уважать – тут вам не Изра'иль!» (сынов Израиля поблизости явно не наблюдалось: наслушалась, видно, по радио про агрессоров). Те же алкаши становились лучшими друзьями и помощниками, когда нужно было срочно разгрузить машину –

за это им полагалось две бутылки – «процент боя». Еще помню, что перед крупными проверками магазин, по обыкновению, горел...

В полу моей королевской башни (она стояла на бревнах на высоте метров двух с половиной) был люк, к нему снизу вела узкая металлическая лесенка. Первым из гостей по ней взобрался еще относительно здоровый тогда дедушка. Деду было уже под восемьдесят, но он мог, не щадя себя, привезти мне из Москвы большущий арбуз. Покупал, к примеру, на всю пенсию в 52 рубля желанный мною велосипед «Орленок»: кушать он все-таки мог дома, но подчас, конечно такое случалось редко, о нем забывали и он гордо голодал. Сын миллионера, с двумя высшими образованиями (Петербургский и Лейпцигский университеты) и знанием пяти языков, он скромно доживал свой век в шестиметровой комнатке за кухней, ранее предназначавшейся для домработниц. Но характер у деда был авторитарный и непреклонный. Он всегда был прав. Поучал давно замужнюю маму, как ей ухаживать за детьми. До войны он работал юри-сконсультантом в «Известиях» и вынужден был уйти после того как не подал руки главному редактору: тот сделал ему прилюдно грубое замечание за то что дед стоял в рабочее время в очереди за каким-то дефицитом (то ли продукты какие-то, то ли отрез на платье для жены). Потом пришлось работать в каких-то арбитражных судах. Пока дед был еще в силе, он любил ездить на бега, играть в карты и даже немного прирабатывал к пенсии карточной игрой (честной, конечно, он был вообще кристально честный человек) – его считали едва ли не лучшим преферансистом Москвы.

Последний запомнившийся мне эпизод пребывания деда на даче был грустный. Мы сидели во дворе и обедали прямо на каких-то самодельных скамейках – кухню к времянке еще тогда не приделали. Мама что-то не так сказала деду, он поднялся и уехал в Москву. Помню, как он с трудом переносил ногу через скамью и насыпал песку в свой суп. Вскоре у него случился первый инфаркт.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КНИГООБМЕН

Осенью 75-го я поступил в аспирантуру института Атлантиды академии разных наук. Дело было так. Я закончил тем же летом факультет экономики промышленности Плехановки – теперь она уже называется академией или даже университетом (каждая уборщица у нас теперь стала менеджером по уборингу, ПТУ – колледжем и т.д. и т.п.). В экономику подался из-за интереса к косыгинской реформе, но та вскорости задохлась, а я остался жить дальше. Учился, как всякий нормальный студент, от сессии до сессии. Но в общем неплохо – за все годы был только один хвост, по высшей математике, который через несколько дней, вникнув в сей скучный предмет, переправил на «хор».

После отличной английской спецшколы институт подавил меня своей серостью (это в целом, – было конечно несколько увлеченных, вдумчивых преподавателей и бывалых, «раскрывавших жизнь» зеленому юнцу собратьев по учебе), так что я под конец даже перевелся на вечернее отделение, благо армия из-за плохого зрения мне не грозила. Распределяться я мог сам. Работать в нашей безнадежно застойной экономике (по специальности мне светил плановый отдел предприятия или какой-нибудь задрипанный упршарашмонтаж) совсем не хотелось. В международники я не очень подходил (несмотря на fluent английский и pas tres mal французский) из-за непрофильного образования и отсутствия блага. И вдруг моему отцу звонит его товарищ и говорит: «твой Юра одипломился, хочешь я его устрою в НИИ Атлантиды?». Я проволновался, продумал всю ночь и решил ухватиться за этот шанс, тем более что Атлантида, особенно Южная, меня и впрямь интересовала, а оный НИИ был в соседнем переулке.

Товарищ отца, художник Валя Оборуднев, был душой общества, и хоть художник, по отзывам коллег, не ахти какой, зато как артист – чудо. Он так исполнял под гитару блатные шансоны, что был зазываем «ласково просимо» в любые компании – от урок до ЦК. В одной из компаний, ближе к последней категории, он и встретил атлантического директора. Покоренный силой искусства до слез, тот сказал: «Если что надо, всегда обращайся».

Достаточно было одного звонка начальства и в аспирантуре ко мне стали благосклонны: поступай хоть с дипломом советской торговли. Самая интересная мне тема шла по «заочке», без отрыва от производства, но я уже загорелся и хотел только ее. Посмотрев мой вступительный реферат, завсектором южной Атлантиды изрек: «ничего нового Вы нам, конечно, не открыли, но писать можете, а самостоятельно думать здесь научитесь».

Дух веселого вольнодумства, царивший в секторе, не оставлял места косномыслию. Хотя, вру – одна железная дама осталась непоколебима и точно знала как надо жить и что делать каждому, чем без устали делилась с нами. В конце концов коллектив собрался с духом и подарил ее другому отделу, интеллигентно посоветовав идти в деле просвещения масс только вперед, по возможности, не оглядываясь.

В секторе работали настоящие ученые и специалисты, знали кучу языков, выполняли план играючи. Так что всегда находилось место для хорошей шутки, винца и закуски (непрерывно отмечали чьи-то дни рожденья), художественно – культурно – политических диспутов и застольной оппозиции.

Последнее было редкостью вне Москвы: кто-то из питерских коллег сказал, что мол за одно слово, из тех, что я у вас постоянно слышу (про бровеносца в потемках или что –то в этом роде), меня бы выперли с работы и перекрыли кислород всякой карьере. Но то – Питер, Москва же (не вся, конечно) благодушествовала. Мы все удивлялись: а кто же у нас стучит? Одни хорошие люди, но ведь должен же кто-то... Впрочем, институтского стукача Мойшу знали все: хороший был человек, но не

умный. Евреи, вообще то, умный народ, но уж если попадетс дурак, – то всем дуракам дурак. Относился он к ответственным заданием первого отдела и кураторов из органов просто ревностно. Если кто-то на академических семинарах выходил, по его мнению, за рамки, вскакивал с блокнотом: «Сообщите, пожалуйста, вашу фамилию». После встреч с иностранцами полагалось делать запись беседы. Одну из них я как-то увидел у него на рабочем столе. Точные слова не помню, но из текста следовало, что только что участвовавшая в беседе норвежская журналистка была, вне всяких сомнений, агентом ЦРУ и лишь прочность марксистского мировоззрения позволила ему устоять перед всеми ее изощренными способами вербовки. Даже матерые гебэшники из международного отдела (им-то и полагалось читать наши записи и они как раз зачитывали мойшино душераздирающее признание, когда я вошел с книгами) валялись на полу, давась от хохота...

Как аспирант, я быстро влился в коллектив, испытывая от всего видимого и слышимого щенячий восторг. Но ведь надо было устраиваться на работу, как заочник я висел на шее у родителей. Не хотелось искать места на стороне, а в своем институте все было напрочь занято. Шли месяцы.

В конце января, когда я, как назло, валялся с тяжелым гриппом, звонок: дуй на всех парах в институт, открылась вакансия. Медлить было нельзя и пришлось «восстать из мертвых». Помню, посмотрел в зеркало: на мне полища (голодал по системе йогов, чтоб быстрее поправиться).

Случилось небывалое – из такого хорошего места обычно не уходят сами. Но референт по международному книгообмену уволилась мигом и даже отказалась потом прийти, чтобы передать мне дела. Мой старший товарищ по сектору Тема был жизнерадостный и остроумный холостяк, еще, так сказать, в полном расцвете. Симпатичную девушку Ксюшу из книгообмена он уболтал до умопомрачения и сам потерял счет времени. Упомянутый книгообмен, или попросту комната-склад с нашей литературой для раздачи делегациям и рассылки иностранным

коллегам, находился в отдельном подвале жилого дома рядом с редко посещаемым архивом и часто посещаемой, но рано закрывающейся аспирантурой. Был стол с машинкой (за ним я потом писал диссертацию), были кресла, но телефона в книгообмене не было – почти полная изоляция от внешнего мира. Рабочий день незаметно пролетел и охрана навесила на внешнюю дверь подвальчика замок. Охрана – это сильно сказано. «Охраняла» институт чуть ли не с самого его основания одна милейшая старушка, которая всех знала и была живым справочником учреждения. Это потом, с воцарением нового, очень номенклатурного директора и переездом в новое здание – настоящий дворец, появилась и настоящая охрана в виде нескольких смен бравых молодцов. Милая старушка стала с годами подслеповата и глуховата и не определила, что в подвале кто-то задержался, навесила – таки на ночь, как положено было, амбарный замок.

Тема с Ксюшей провели ночь вдвоем. Утром двери открыли, вместе с «охранницей» появился кто-то из международного отдела со срочным заданием: 20 книг для делегации Аляски – обмен опытом ледовой оснастки! И вот картиночка: пробуждение сладкой парочки (Тема потом уверял, правда, что ничего у них и не было). Девушка в слезах – в кадры – заявление по собственному и больше к нам ни ногой. У нас, конечно, не институт благородных девиц, позволяли мы себе многое, но втихаря. Такая огласка, – смотри: это ее утром прямо на рабочем месте с этим застучали, – страшнее пистолета. Бедная девочка.

Сочувствуй – не сочувствуй, содеянного не изменишь. Нужно было заполнять вакансию. Оклад был 105 рублей, потом еще добавили по 10% за два языка. Итого 126 рублей – неплохая стипендия для аспиранта. Работка – не бей лежачего, а ведь многие за такие деньги и на заводах вкалывали... Моральным оправданием моей растянувшейся на годы оплаченной служебной прохладцы могла стать и стала только добротная диссертация.

Туповатая работенка имела и светлые стороны. Со всех концов света шли конверты с марками. Я собирал марки в школе, особенно любил колонии, которых тогда было еще полно. За

счет этого неплохо знал географию. Потом несерьезное занятие бросил, но, когда поплыли в руки новые марки – не устоял, стал с наслаждением заполнять альбом за альбомом. Другую радость предпочитал не афишировать. Мой подвал временами заливало сверху, часть книг портилась и я их понемножку списывал. Подруга молодости Томочка из ТАССа (познакомились на вечере в Доме дружбы народов на Арбатской – жалко нынешнюю молодежь – и это любимое место встреч проклятая власть отняла у народа) надоумила сдавать «списанку» на макулатуру и получать в обмен, была тогда такая фишка, дефицитную литературу, всяких «Женщин в белом» и «Графов Монте-Кристо». Рассказывали, что в аэропорту задержали подозрительного негра с огромным мешком старой бумаги. На допросе он признался, что до него дошел слух, будто в СССР за 20 кг макулатуры можно получить белую женщину. Вот какой был у нашей страны рейтинг – никакому агентству «Мудис» не по зубам!

НЕТ РОССИИ БЕЗ ЧУДИКОВ

*Вспоминаю скромного учителя,
Пришедших с фронта в радости лицо.
А жизнь зовет меня мучителем –
Идет пешком по городу село.
Не в силах пережить все чувства,
Гоню я к истине перо.
Зовут и совесть и искусство,
Чтоб быть мне – русскому певцом...*

Г.Д. П-сков

Уже в очень давние времена, и сегодня об этом можно вспомнить, не опасаясь кого-либо обидеть, к моей маме стали приходиться такие письма:

«Здравствуйте уважаемый педагог Людмила Львовна! Пишет Вам ваш ученик П-сков Григорий Дмитриевич. Я писал, что женился и теперь пишу, что не сумел связать семейной жизни. Много пережито, еще больше потеряно. Огромной ценой защитил свободу, честь, достоинство. Ибо я испытал моральную нагрузку лжи, подлости, предательства, позора: и суда своей совести (сохраняю орфографию автора,– Ю.С.). Я нашел себе такую нечестную правду, которая позналась в лице человека, жены. Потерял зрение на один глаз, думаю что восстановится. Посылаю работы, деланные одним глазом. Руки, ноги, голову нарисуем, и пейзаж и натюрморт. Медленно, но вперед!...

В моей честности много недостатков. А именно: живу и будто бы искусство, мой учитель, для меня защита от падения перед вашим взглядом. Я называю это чертовой чертой в моем понятии об окружающем меня мире...

Но живу и жить я делю на огромный мир, разный по себе во всех отношениях. А ведь живем так, но жить еще не можем во все оцененно. Я не могу вам и ответить, что может ли ваш ученик стать художником полного дела и творчества, каким наполнена вокруг меня жизнь. Да, Людмила Львовна, наполнена до краев. А умирать плевое дело, дрянное.

Перед вами не биографическое нытье, а подрубленные крылья поэта. А ведь неграмотность есть тормоз всей моей жизни: восемь классов. Так осталась одна верная истина – дорога труда. По ней иду, по ней идти буду. Жизненного металла хватает в моих руках и глазах...

Так учите ж меня и больше никаких философий, учите до смерти. Хотя бы для моих будущих детей».

Перед нами действительно подрубленные крылья поэта, трагедия человека творчески одаренного, но полуграмотного, поднявшегося над простонародной средой, но не принятого в желанную среду интеллигенции, да просто не дотянувшегося до грамотного слоя общества, хотя был он во многих отношениях интересней и, во всяком случае, одухотворенней среднего «образованца». К тому же и характер у самородка видно был не из легких: «А ведь есть люди, не знающие ни совести, ни искусства. Вот отделиться бы от них на миллион километров и жечь огнем в упор». Будем называть автора писем и стихов для краткости ГД.

Моя мама, художница, в материально трудные для нашей семьи годы, 60-е и первая половина 70-х, помимо своего основного занятия, – создания картин, – подрабатывала в заочном Народном университете искусств, кажется он так назывался, – писала (сама печатала на машинке) консультации для желающих учиться любителей разного уровня и разных мест проживания. Когда стали приходить письма ГД, было это где-то в начале 70-х, мы ими зачитывались (я был уже студентом и мог оценить необыкновенные послания), и сочувствовали и смеялись, но мама побоялась взять на себя роль учителя жизни, на что надеялся ее заочный ученик, видимо мечтавший о насто-

ящем наставнике, и ограничилась чисто профессиональными консультациями. Да и странное косноязычие ГД вызывало сомнения в его душевном здоровье. Хотя, если разобраться, – ну чем не Платонов.

Жил ГД в каком-то уральском затоне. Основной работой видимо был тот или иной низкооплачиваемый физический труд, образование не позволяло стать даже учителем в школе (с дипломом Народного университета, если он доучился, уже можно было бы стать учителем рисования или вести кружки в ДК). Но душа пела и жаждала творчества, а получила огромный стресс от полного непонимания натуры художника женой. Воображаю, как он женился на простой бабе и та выходила из себя, когда вместо денег на обновку и бытовые нужды получала стихи невразумительного содержания, а муж мог забросить оплачиваемую работу и уйти в творческий запой (и пейзаж и натюрморт, которые никто не купит).

Положение и в самом деле тупиковое. В уральском поселке ему не к кому было приткнуться (в Москве или Питере – может быть, и то не факт). Как и платоновские герои, он существовал в системе, пусть самобытно перелопаченных и наделенных живой образностью, но советских идеологических постулатов. Фраза том, что жизнь вокруг него «наполнена до краев полным делом и творчеством» – вероятно оттуда же, из плакатов «вперед!», вряд ли из окружающих реалий «нечестной правды». В его письмах не было ни слова о Боге. Но о душе вспоминал, правда, не в радости: «я ослеп к жизни душой и мозгом» или, из стихов ГД: «...вон под тем порогом, там чья душа засыпанной лежит?». И его засыпанная душа наверно уже где-то покоится. Такие люди не от мира сего редко живут долго.

Может ГД был чрезмерно тяжел для себя и окружающих («а жизнь зовет меня мучителем»), может быть не вполне адекватен, но я жалею, что не встретил его (общение учеников с учителями иногда происходило: какая-то мамина ученица, помню, приезжала и останавливалась у нас, но этого странного человека опасались), ведь многие строки, большие куски из его

писем остались в моей далеко не зеркальной памяти на всю жизнь. Подобного ничего и никогда больше в жизни читать не довелось. Да, есть какая-то отдаленная переключка с революционным косноязычием героев Платонова, но здесь – не литературный персонаж, а живой человек, настоящий русский чудик, потомок юродивых и тульских левшей. Без таких людей наша жизнь, пусть ГД вошел и остался в жизни нас немногих, кто его просто читал (увы, только нашей семьи и знакомых из интеллигенции, в родном уральском затоне его совесть и искусство похоже не нашли резонанса), была бы намного более пресной. Найти бы и издать тоненькую подборку его писем и стихов, она где-то прячется у меня дома среди книжных завалов...

И сегодня, испытав разные моральные нагрузки (правда, не от жены), плюс суд своей совести, и растеряв большую часть здоровья, я живу «скромнее став в желаньях» под девизом Г.Д. П-скова: медленно, но вперед!

Жизненного металла хватит в моих руках и глазах?

КУРОРТНЫЙ РОМАН

Сейчас я живу счастливо в браке, но иногда встает в памяти бурная молодость: она не лучше и не хуже дня сегодняшнего (сегодня я бы предпочел сегодняшний, только самому быть бы в лучшем здравии), но это моя жизнь. То есть молодость вспоминаю относительную (один мой товарищ, полностью пресытившись, завязал с пьянкой и гулянкой в двадцать лет) – первый курортный роман случился со мной по достижении тридцати, когда у других уже были жена и двое детей. Всего-то этих романов на морях было раз, два и на третьем обчелся, еще раз три выезжал «со своим самоваром в Тулу» – с подругами, в т.ч. с будущей первой женой. На Дон-Жуана точно не тяну.

Расскажу о первом. Приехал я в 83-ем дикарем в Планерское, оно же Коктебель: в досоветское время его любил Волошин, а в советское там когда-то была любимая школа планеристов, но один чудака улетел в Турцию и ее закрыли. Вообще-то, я отдыхал «как человек» всего раз по льготной путевке в профсоюзном санатории в Сочах, и то взял полсрока, понимал, что 24 дня тупого пляжного отдыха не вынесу. Ездил летом в основном на подмосковную дачу, где приходилось совмещать отдых с разным трудом. После защиты в 27 лет кандидатской стал потихоньку приобщаться к курортам. Сейчас же приехал с рюкзаком и снял отдельный сарайчик на холме с видом на горы и море. Ключ свой – захочу, зайду к хозяйке во двор по разным надобностям, не захочу – могу ни с кем общаться.

Осмотрелся, сходил по волошинским местам, побродил по набережной и вляпался чуть ли не на второй день в историю, которая могла стоить мне и отдыха и жизни. Какой-то парень

в каких-то торговых рядах предложил мне выпить с ним водки. Почему он положил глаз именно на меня – не представляю, хотя вообще-то я мужчина видный. Я вежливо отказался, но предложение вскоре повторилось. Я уже расслабился и потерял бдительность, где-то вкусив местного домашнего винца, которое старички и старушки выставляли повсюду в трехлитровых бутылках и разливали копеек за 30 или 50 по стаканам. Неподалеку были павильоны с винными автоматами: как в Москве можно было за 15-20 копеек налить в автомате кружку пива, так здесь – вина. В общем, винный рай. Грех отдыхающему человеку не порадоваться. Второй раз парень сидел уже в компании с девушкой и, когда я проходил мимо, окликнул меня опять, сказал, что у него День рождения, стал расспрашивать, откуда я. В общем, я имел глупость поддаться на уговоры и выпил с ним рюмку-другую. Тогда еще градус недоверия к людям был гораздо ниже, чем сегодня, когда правят бал обман и предательство, кругом сплошное «кидалово» (чувствую, что становлюсь старым ворчуном). Очнулся под раннее утро, где-то в парке, в одних трусах, без обуви и даже без очков. Клофелинчики, мать их. Хорошо, потерял денег немного, запасная обувь и очки нашлись дома, замок пришлось менять. Конечно, никого по моему заявлению не нашли. Я зарекся пить с незнакомцами, но не губить же отдых, к девушкам интерес не пропал.

День проплавал с какой-то московской артисткой (так она представилась), которая приехала отдыхать с мамой и ничего мне не позволила. Нужно знакомство произошло в местной кафэшке с танцами и коктейлями. Тогда так не воровали или коктейли были хмельней или я моложе... Я и киевлянка Танечка встретились в танце и не отпускали друг друга до утра в моей комнатке. Потом она просила объяснить подругам, а они отдыхали втроем, что помешала непогода или сломалась туфля и ей пришлось остаться у меня. Те были неглупы и объяснением вполне удовлетворились, тем более, что сами мечтали о том же.

Таня была блондинка с соломенного цвета волосами, высокая, стройная, симпатичная, лет 23-х. Правда, комплексовали

раньше девушки из-за высокого роста (это сейчас они гордо несут его на сцены и подиумы): в ней было где-то метр и 82, что против моих ста девяноста смотрелось совсем нормально, не в пример Киеву, где на нее западали исключительно мужчины в метр с кепкой. Профессорская дочка, она работала в каком-то киевском строительном НИИ, так что и сопроматы сдавала и что-то творила с чертежами, совсем не соответствуя образу блондинки в анекдотах. Правда была очень доверчивой, трепетной и безоглядной в любви – хорошо, что я смог это оценить и ничем не обидел. Это был мой лучший и самый чистый курортный роман. И еще Танечка была очень сексуальной, но не развращенной (помню, что даже пришлось обучать ее некоторым позициям). Она хотела всегда. Подтрунивая над этим своим качеством, рассказала анекдот. Женщина с аналогичной проблемой приходит к сексопатологу и тот просит ее вспомнить, в какие моменты ее особенно обуревают страсть. Та отвечает: «Всегда, я и сейчас хочу».

На брак, сразу скажу, я настроен не был после того как страшно обжегся в 25 лет с моей первой попыткой жениться, это был серьезный стресс. С первой невестой меня «расстала» мама, злоупотребляя моей глубокой привязанностью к себе. У меня чудесная мать, любящая, преданная, очень очень много для меня совершившая. Но, как говорится, наши недостатки – это продолжение наших достоинств. Она воспринимала меня как часть себя, без которой ей жизнь не в жизнь, тем более что супружество с отцом у нее, по правде говоря, было не очень счастливым. На словах, конечно, моей свободы выбора она не ограничивала: «Да, Юрочка, тебе надо жениться, создать свою семью, но только не на этой и не на этой и не на этой, ты наивный и многого не замечаешь, я их уловки прекрасно вижу...». В общем, первый раз я женился, когда мама уехала на несколько лет во Францию и я прилетел к ней уже с женой.

Моя первая невеста Лариса (это с которой у меня не состоялся брак в 25 лет) была, в отличие от всех остальных, еврейкой. Познакомились на даче на телефонном перегово-

ворном пункте в Доме отдыха, и это был, пожалуй, мой единственный настоящий дачный роман. Вообще, я предпочитаю славянский тип женщин, и по внешности и по широкой и безоглядной натуре (это почти все в прошлом, сейчас другая жизнь). Большинство евреек отталкивали меня своей мелочной деловитостью. Это торгашеское большинство, я не беру аристократию духа, хотя иногда все смешивается в одной семье: Лариса, после окончания родной и для меня Плехановки, пошла по торгово-алмазной линии, а ее родной брат стал свободным художником и наплевал на материальный достаток. Впрочем, Лариса, обладая умом и хорошими деловыми качествами, была лишена национального недостатка мелочности, что меня совершенно в ней восхищало (я тоже не «жался»). И обладала тягой к культуре и искусству. Дружила с внучкой великого Серова.

Здесь, в наших взаимоотношениях с первой невестой, был еще один момент. Помимо искреннего мужского увлечения привлекательной женщиной, из головы не выходили наваянные западными радиоголосами мысли о возможном выезде. А уехать тогда можно было только по израильской визе. Как говорили тогда, еврейская жена – это не роскошь, а средство передвижения. Это не про меня и этот момент никогда не был главным в наших отношениях: я бы никогда и не смог жениться по расчету на нелюбимой женщине, – зачем такая жизнь? Но обсуждали и возможный выезд, ведь железобетонный тупой застой и идеологический маразм (именно это меня как гуманитария тяготило, а вовсе не дефицит шмотья) в нашей стране, казалось, будет вечным. Лариска мудро сказала: только не в Израиль – евреи в большой концентрации невыносимы и обязательно должны быть разбавлены. Отмечу, что при всех «минусах» этой страны и ее народа, Израиль всегда вызывал у меня уважение и сочувствие, как луч света в темном царстве невежества и нетерпимости, очаг культуры, свободы и демократии. Думаю, что к великому сожалению, он будет раньше или позже исторгнут, уничтожен как чужеродное тело враждебным ис-

ламско-арабским миром, процесс распространения ядерного оружия ведь идет и он необратим...

Вариант был: долетев до Вены можно было развернуться в Америку через Рим. Понимаю, что маму эти разговоры очень пугали – в те годы эмиграция в «логово врага» означала расставание с близкими навеки, а отец с матерью к пересадке на чужую почву были тогда не готовы. Тут еще добавлю, что невеста была умнее меня и предсказала: «я – то смогу приспособиться к любой ситуации, а тебя ведь ностальгия сожрет». В общем, Бог не дал нашему браку состояться, тем более что мы жили интенсивной жизнью далеко не один месяц, а беременности не было (тогда бы женился даже наперекор матери)...

Уж раз зашла речь на еврейскую тему, выскажу свое мнение по этому трудному вопросу. Отчего у евреев такие скорбные глаза? Люди чуткие и талантливые, многие из них в глубине души ощущают, что раньше или позже в любой стране рассеяния, – история движется по кругу, – их ждут, если не газовые камеры, то очередные погромы и гонения, так называемое еврейское счастье: ведь продали душу золотому тельцу и жадные руки загребущие нельзя унять (не буду грешить на всех, конечно, но у большинства, увы, – так). Конечно, невообразимо много в сопоставлении с численностью маленького народа, евреи дали миру великих мудрецов и пророков, врачей, физиков, математиков, художников и поэтов, других деятелей науки, культуры и искусства, но доминирует наглая и нахрапистая торгашеская масса, сочетающая беспощадность ростовщиков и откупщиков с национальным высокомерием по отношению к «гоям» и лучше всех идеологов питающая антисемитизм. Когда – то избранный Богом народ, оставив Бога, стал поклоняться золотому тельцу, и Моисей (дело было еще лет за тысячу или полторы до распятия Христа) сказал: «за это вы будете прокляты и рассеяны между народами Земли», и жизнь потекла по хорошо известному сценарию. По тому же вопросу хорошо и прямо высказался в свое время еврей Маркс: «Бог евреев – золотой телец» (правда, сбылось библейское проро-

чество и государство на Земле Обетованной восстановлено, но оно окружено мусульманскими врагами и к тому же упрямо антихристианское: надолго ли его хватит?).

Будь у Абрамовича или Березовского (или подобного им русского нувориша) хоть километровая яхта с золотыми унитазами, они нисколько не счастливее меня, живущего в небогатой московской квартирке, без яхты и даже машины, но с любимой творческой работой, а не бездарно гробящего жизнь на бессмысленное и бесконечное приумножение капитала любой ценой. Фиг с ним, что не летаю в Куршевель кататься на горных лыжах и не полощу там девиц легкого поведения в шампанском. Большие деньги – это ведь чаще всего еще и грязь и кровь, пляска на чужих костях. Это, разумеется, не только к еврейским олигархам относится. Россия еще воздаст должное тем, кто ее ограбил и унизил, властвующим героям «экономики роз» (распил, откат, занос).

Конечно, человека, у которого сводит живот от голода и нет крыши над головой, не очень тянет на рассуждения о высоких материях. Базовые, так сказать, материальные потребности должны быть обеспечены: думаю, то это где-то средний или несколько выше уровень достатка в данное время в данной стране (чтоб, как говорится, не бегать занимать на хлеб до полочки). Дальше развилка: служишь ты Богу или мамоне? Безусловно, реальная жизнь шире и замысловатей любых правильных правил: один мой товарищ, преуспевший в бизнесе в лихие девяностые и связанный тогда с бандитами, сейчас от всего этого ушел и занимается любимым делом: простым учителем преподает детишкам в школе астрономию и физику... Кто-то из созданных по образу и подобию Божьему творцами попал в формат рынка и хорошо зарабатывает своим талантом, кто-то, возможно более одаренный, гниет в нищете...

Танечке надо было для приличия хоть иногда ночевать дома с подругами, тогда мы предавались любовным утехам днем, на лесистых холмах над берегом. Съездили на какую-то многочисловую экскурсию на известный (название забыл) необитаемый

остров, где можно было набрать разных красивых камешков, даже полудрагоценных. Конечно, на удобном для уединения острове много камней мы не собрали. Подруги были – одна хорошенькая, другая малосимпатичная и полноватая, но с арбузным бюстом, – совсем не мой фасончик, но знаю, что многие мужики таких ценят. В отношении хорошенькой, Танечка сказала, что выцарапает ей глаза, если у меня с ней что-то будет: клялась в верности своему Петеньке, а тут не знает под кого лечь, ну я могу разве что с ней потанцевать (меня умилило полное отсутствие агрессии в отношении меня: мол, что с мужика возьмешь). Я вел себя достойно и не дал повода для рукоприкладства, хотя и не против был хорошенькую приплюсовать к Танечке. Осталось «богатеть думкою». Вообще, мужской пол генетически запрограммирован на полигамию (как кошка на поимку мышей), это научный факт, но редкая, даже умная женщина готова этот факт признать. Только воспитание и воля, да еще совесть, позволяют нам хотя бы иногда покорять природу.

Последнюю неделю мы провели в моей комнате вдвоем – девчонки вернулись домой раньше, а мы скинулись и продлили свое наслаждение еще на первую сентябрьскую неделю.

Как раз тогда, в первых числах сентября 1983-го, наши ракетчики или истребители сбили южнокорейский самолет с двумя сотнями пассажиров. Я прочитал на крымском пляже короткую заметку в газете «Правда», что, мол, самолет улетел за пределы советских территориальных вод и о его дальнейшей судьбе ничего не известно. Понял – ясное дело, сбили, гады. Подумал, какие сволочи, даже если самолет выполнил некие шпионские задания, отклонившись от курса, снимки уже ушли в соответствующие разведцентры, зачем убивать в мирное время ни в чем не повинных пассажиров? В очередной раз проклял очень нелюбимую мною советскую власть, с которой у меня предстояли скоро «крутые разборки».

Вообще, любить советскую власть нашей семье было не за что. Деда по отцу, державшего в казачьем селе Сташевка на китайской границе в Приморье крепкое хозяйство (проблем не

было – бери земли, сколько сможешь обработать), созданное «своим горбом», в 1930-м году раскулачили и он умер несколько позже во владивостокской тюрьме. Уничтожение состоятельного и не желавшего идти в колхозы крестьянства Сталин обозначил в беседе с Черчиллем цифрой в 10 миллионов. Думаю, что усатый Дракула скромно приуменьшил свои заслуги в уничтожении генофонда нации. Отдельно советская власть недолго любила казаков – «Холокост» казачества (по ленинско-троцкистскому декрету о расказачивании) на Дону в 19-м – 20-м обошелся последнему где-то, по разным оценкам, в 1, 5 – 3 миллиона жертв, с детьми, с семьями. Почему-то эти жертвы не вспоминают, им не ставят мемориалы и не платят потомкам компенсации, а ведь чем они менее несчастны, чем замученные гитлеровцами евреи...

Мой дед по матери был из интеллигенции и работал в «Известиях», ждал, как и все его коллеги, «черного ворона» каждую ночь в 37-м – 38-м, с чемоданчиком необходимых в лагере вещей. Каждую ночь этот ворон – «Эмка» въезжал в наш арбатский дворик и собирал свою очередную кровавую жатву. Знали, что кто-то из недоброжелателей или просто завистников может собраться числом в два или три и написать заявление, что ты японский шпион и получить потом твою комнату или квартиру. Впрочем, отдельные квартиры были редкостью и давались избранным. На нашей лестничной площадке после очередного «забора с расстрелом» в отдельной квартире поселилась семья нквэдэшника. Мама рассказывала, что бабушка их панически боялась и заискивала перед ними: если надо было вместо них сдать в комиссионный какие-то вещи из палаческого конфиската (чтоб самим не «светиться»), бабушка не могла им отказать. Я даже не особенно виню этих людей: вурдалак товарищ Сталин указывал: « В вашем районе, по достоверным сведениям, скрывается 100 тысяч врагов народа, а вы выявили только 70, – вот Никита и Микоян выявили по 150, – учтите, что незаменимых у нас нет». Под расстрел шли и чекисты – лучше выявить, что у кого-то дедушкой был поп. Советскую власть я

отвергал и сегодня не вижу причин ее задним числом полюбить, хоть новая (относительно) власть во многом еще хуже и сегодня я скорее уж проголосовал бы за КПРФ, чем за правящую «партию» жуликов и воров, если бы ходил на их «выборы» без выбора. Трагизм ситуации 1917 года был в том, что царь отрекся от престола, изменив своему монаршему долгу, причем в разгар непопулярной войны, в которую он по недомыслию вязал Россию, затем начался распад всех государственных структур, и большевики оказались единственной силой, способной понять власть с земли и навести в стране порядок, пусть людоедский...

Когда меня в феврале 84-го вызвали «куда надо» и предложили сотрудничать, я струсил и прямо не сказал гэбне, что стучать никогда не буду, а сказал, что подумаю, что мне нужно время. Потом уклонялся от любых контактов, они все поняли, стал невыездным, на научной карьере можно было ставить крест, спасибо, что хоть остался цел. Энергию надо было куда-то направлять, пошла активная гульба, а через несколько лет еще и «пальба», когда перестали сажать по политическим статьям и я ушел в открытую оппозицию существующему строю. Строй поменялся, а я все там же душой, хоть и ушел в частную жизнь.

Самое, может быть, большое разочарование в жизни ждало меня, когда я наконец вырвался, как мне представлялось, на свободу и пожил несколько лет на Западе. Оказалось правдой не только то, что они о нас говорили, но и почти все, что советская пропаганда говорила о них. Конечно, в благополучных развитых странах большинство людей живет материально получше, чем у нас (но ненамного и, похоже, средний класс ждет скорое обнищание), но свободы там еще меньше – жизнь целлулоидных биороботов расписана на годы и окутана тьмой гласных и негласных правил и запретов. Про тотальное кредитное рабство я уже не говорю, у нас оно еще только набирает обороты. Политическая демократия (хотя в странах вроде Швейцарии по крайней мере, не в пример нам, проводятся референдумы по

острым вопросам) свобода информации подменены изощренным манипулированием обывательским сознанием. В кичащейся независимостью Франции, например, накануне агрессии НАТО против Югославии во всех СМИ всех направлений была полностью заблокирована любая информация об албанском терроре против сербов, – тому я сам свидетель. Как будто бы собрали накануне всех редакторов в масонских ложах и дали инструктаж...

Основополагающие человеческие, христианские ценности вывернуты, извращены. Приветствуется однополый секс и «голубые» браки с правом усыновления/удочерения, т.е. растления детей. Нормальные отношения между мужчиной и женщиной обнесены таким частоколом запретов на «сексуальные домогательства», что, кажется, вот-вот отомрут. Ну и многое другое. Слава Богу, я дома, пусть дома и непорядок.

Ладно о политике и Западе (об этом еще скажу отдельно), я же вроде собирался писать про нашу любовь. У нас с Танечкой, конечно, не только секс, но и любовь была. Я сорвался, приехал к ней в Киев уже в конце октября. Обслуга академической гостиницы смотрела на нее как на проститутку, но нам было плевать на обслугу. Любовные утехи описывать не буду – они требуют другого жанра. Прошлись по булгаковским местам: люблю Андреевский спуск. Киев – это булгаковский город, это мать городов русских, а не то что вещают горлопаны «незалежности». В Киеве, кроме Андреевского спуска, где был упомянутый в «Белой гвардии» дом, запомнился музей архитектуры на открытом воздухе на местной ВДНХ с «хатой куркуля». Ну и каштаны, тенистые улочки на холмах, Днепр с Гидропарком. Ну и кава (кофе) в подземных переходах и новые штаны запомнились: первыми в жизни модными портками, то были «Райфлы,» я обзавелся тогда же в гостинице, купив их по случаю за полцены у одного чеха. Не купить было уже нельзя. Танечка как-то мимоходом обронила: «вы наверное к нам приезжаете донашивать старье, в Москве небось другое носите». В ответ я тактично по отношению к себе промолчал.

Заодно вспомнили с чехом Пражскую весну. Как они сотни лет под австро-венгерским игом готовили на Рождество «едного гуса для руса» и вот русы пришли... Всплыло, как через год после распятия Пражской весны я смотрел матч чемпионата мира по хоккею, наши играли с чехами, чехи бились насмерть и вырвали победу 4:2 у сильнейшей тогда в мире сборной, их болельщики орали: «тут вам танки не помогут!».

Киев вообще уютней, как-то интеллигентней и лучше приспособлен к человеческой жизни, чем родная мне Москва, хотя лично мне грех жаловаться: живу в сравнительно тихом и зеленом районе неподалеку от центра, окна во двор. И еще и вообще о Киеве: я не видел больше нигде на улицах столько красивых девушек, сколько там...

Потом она приехала ко мне в Москву, оформив какую-то командировку, но уже ясно было, что дело к концу и все уже было как-то не так, как-то не в радость. И у меня и у нее уже развивались отношения с кем-то еще и мы их не собирались прерывать. Когда я через несколько лет был по каким-то делам в Киеве, зашел в ее квартиру, встретил отца, сказал что она замужем и в больнице на сохранении. Просил больше не беспокоить...

К ЮБИЛЕЮ ПУТЧА

19-е августа 91-го. Ходили как пыльным мешком трехнутые. Уже привыкли было говорить и писать, что думаем, свободно ездить по миру (это еще было дешево и Запад нас еще завлекал), митинговать до потери всякой сознательности, храбро чехвостить бездарных и подлых правителей с их «органами». И вот – нас опять загоняют в стойло. В траурном лебедино – озерском обрамлении вылезают на экран все те же опостылевшие номенклатурно – гебистские рожи: Крючков, Янаев и иже с ними. Паноптикум. Восковые фигуры задергались в пляске Святого Витта.

Я состоял тогда в одной из быстро плодившихся неформальных организаций, пожалуй, самой радикальной из имевшихся. Мне-то уж совсем было мерзко на душе. Тем более узнал, что схватили и засунули в Лефортово нескольких товарищей. Сумрачный и злой, я решил двинуть к другу – народному депутату Моссовета*.

Плюхнулся в метро, благо ехать недалеко. Сидящая рядом девушка читает в газете про ГКЧП и говорит: «Вот сволочи!». Я оживился. Разговорились. «Я, – говорит, – тоже пострадала от советской власти – муж сидит». Правда выяснилось, что как-бы не совсем за политику. Свободный художник, он так изнемогал от недавнего сухого закона, что влез ночью на склад и выволок

* Мы с другом были в социал-демократической фракции первой, назвавшейся оппозиционной, партии (скорее это была протопартия) – Демократический Союз. Вначале ДС еще не был вполне либерально-новодворским. Имелись самые разные фракции, даже демокоммунистическая. ДС, так сказать, первого призыва на момент путча уже фактически распался, но события заставили бывших бойцов вернуться в строй.

из окна полуподвала ящик водки. Тут же стал заливать горевшую душу и заснул. Повинтили, получил срок. Так с ее слов. Углубляться в тему было некогда, обменялись телефонами и договорились поучаствовать в сопротивлении.

Выхожу из метро – на улице Горького танки, точнее БТРы и солдаты во всех проулках. Подхожу к Моссовету (нынешняя мэрия), он оцеплен. Туда не пускают, но оттуда свободно выносят листовки с моссоветовскими резолюциями и ельцинским Обращением против ГКЧП. Я подумал, что если Ельцину разрешили свободно проехать со своей дачи прямо в Белый дом – Верховный Совет и вести оттуда агитацию, то это уже не переворот, а какая – то итальянская опера. Наверное, кумекаю, хитромудрый Мишка Горбатый, сидя в Форосе, ведет очередную двойную игру (хотите попробовать – пробуйте, но если что – я ни при чем).

Взял листовки, вернулся на улицу. Перекрывая Горького – Тверскую шли, взявшись за руки, двигаясь в сторону Белого Дома, две-три шеренги самых отчаянных демократов. Меня кто-то узнал и окликнул: «Юра, иди к нам, будем поворачивать танки!». Я пожегся, но примкнул. Встал во вторую шеренгу: если начнут стрелять, хоть будет шанс упасть и отползти. Танки мы не повернули, но к Белому дому прошли, попутно просвещая солдат и офицеров.

Армия была настроена явно не воинственно и даже несколько растеряна. Стрелять в нас никто не собирался. Служивым вообще никто толком не объяснил, зачем они здесь. Идеологическая подготовка переворота была на нуле. Операция была изначально бездарна и провальна (может, так и задумывалось кем-то). Помню, что «старые номенклатурные пердуны» (такими они мне казались тогда), вещавшие с экрана, предлагали единственный «пряник» – давать то ли 11, то ли 15 соток земли вместо привычных шести в садовых товариществах. Остальное – просто «кнуты», загоняющие обратно в «совок», в безнадежный застой, в обнесенный колючей проволокой «лагерь мира, социализма и труда». Впрочем, из сегодняшнего

дня я бы на многое взглянул иначе. Появилась какая – то ностальгия по советскому прошлому. Ведь утеряно безвозвратно и много хорошего. Главное – не было пожирающей в наши дни все человеческое проказы коммерциализации.

На Смоленской площади кликнувший меня товарищ наклеил на танк листовку, затем даже влез на него, правда упал, хорошо – не расшибся. Там рядом потом погибли трое, но только потому, что занавесили танку или БМП смотровую щель и ребята с перепугу или по инструкции открыли огонь и начали резко маневрировать.

У Белого дома было полно народу, располагались вокруг, чтобы остаться на ночь – охранять, хотя против серьезных профессионалов эта защита не стоила ничего. Взял же в 1979 году спецназ КГБ влет действительно хорошо охраняемый дворец Амина в Кабуле. Другое дело, что приказа о штурме сейчас никто отдавать и не собирался. Хотя, конечно, в тот момент толком еще ничего уразуметь было нельзя. Опыт новейшей истории позволял ожидать худшего (к примеру, Никита Сергеевич дорогой наш, великий борец за мир и десталинизатор, уже 62-м, т.е. на памяти живших тогда поколений, выступление рабочих в Новочеркасске утопил в крови).

Я подумал и решил заняться листовочной деятельностью, тем более что от меня, не служившего в армии, толку при обороне этого самого дома было бы немного. Тексты мы с товарищами по партии уже насочиняли пафосные и хлесткие, разящие врага наповал. Надо было распечатать побольше (аж по пять копий за раз на пишущей машинке, ксероксов у нас не было) и рано утром расклеить в метро. Ехать, ввиду угрозы арестов, лучше было куда-нибудь в совсем никому не известное место. Я позвонил новой знакомой – из автомата, конечно, мой телефон мог быть на прослушке. Она сказала, что быстро печатает и у нее есть пара машинок. Пригласила к себе. Печатаем полночи, подустали, пьем чай. Смотрю, девчонка то симпатичная. Мои робкие поползновения она пресекла спокойно и сурово: « Я тебя сейчас не на fuck пригласила. Родина и свобода в

опасности. Надо сублимировать свое либидо в ярость классовой борьбы».

К открытию метро у меня за пазухой была большая пачка листовок и клей в тубике. Народ сидел какой-то подавленный, без надежды на хорошее. Я быстренько наносил клей крест-накрест на тыльную сторону листовки и, перед самым открытием двери, шлепал текст на ее стекло. Перескакивал в другой вагон или, затерявшись в толпе, смотрел, нет ли «хвоста». Никто за мной не охотился.

Трясущиеся руки Янаева очень точно рисуют степень решимости гэкачепистов. Переворот явно выдыхался. Поджавший было вначале хвост Ельцин, на глазах становился национальным героем. И вот, наконец, привезли через пару-тройку дней слегка засидевшегося в Крыму Михаила Меченого и посадили путчистов. Победа!

Настроение было карнавальное. Хотелось совершить что-нибудь веселое и глупое. У меня были в гостях три девушки самых демократических взглядов (одна работала учительницей математики в школе и вывешивала в классе наш «антисоветский календарь»). Я завернулся в медвежью шкуру, на меня накинули цепь и ученого медведя повели с песнями и танцами на люди. Когда мы вылезли из подземного перехода метро на празднично гулявшую Пушкинскую площадь, народ встретил нас овацией. Одна из девушек играла на гитаре и пела, другие подпевали и плясали. Медведь, пританцовывая, пошел с шапкой по кругу и набрал спонсорской помощи на бутылку коньяка. Рядом – магазин «Армения». Вопрос решили быстро.

Мы сидели прямо под Юрием Долгоруким и, счастливые, пили коньяк, заедая шоколадками. В воздухе царила эйфория. Никто из нас и не догадывался, что вместо обещанных «прорабами демократии» свободы и процветания, нас очень скоро ждет уничтожение страны, в которой мы жили, и бандитский передел, убийство производства, науки, культуры, образования...

Наследник Российской империи, СССР*, погиб, а Россия стала раем для воров и коррупционеров и сущим адом для ограбленного и обманутого, не нужного, разве что перед выборами, ни чиновникам, ни бандитам-олигархам большинства (последнее особенно заметно за пределами МКАД). И, увы, остается к славно/бесславному двадцатилетию.

К следующей осаде Белого дома в 1993-м, я уже был в Париже, где придумал себе учебу в докторантуре Сорбонны (повезло: поступил сразу и стипендию дали), не желая больше ни с кем воевать. Не хотелось сражаться ни за банду Ельцина, которую оппозиция справедливо предлагала отдать под суд, ни за саму оппозицию, в действиях вождей которой (именно вождей, не брошу камень в остальных), Руцкого и Хасбулатова, за всей риторикой проглядывало желание, отодвинув Ельцина, самим урвать кусок побольше из быстро расхватываемого общенародного пирога. Эту догадку вполне подтвердило последовавшее, совсем в духе бандитско-олигархического времени, губернаторство Руцкого в Курской области, где он подмял под себя и членов семьи все, что могло приносить хороший доход.

Наступила эпоха гибели общих идеалов и борьбы каждого за собственное выживание и преуспевание (я, естественно, передаю только свое субъективное ощущение эпохи). Кажется, она заканчивается. Дальше отступать некуда. Пора спасать отечество сообща.

* Кстати, неправда, гуляющая по разным изданиям с нележкой руки В. Новодворской, – что ДС выступал за развал Союза. В принятой в 1988-м учредительным съездом ДС Программе говорилось о преобразовании СССР в демократическую конфедерацию типа Швейцарии или Евросоюза. Может это еще случится, как возрождение и преображение птицы Феникс из пепла?... До мысли о новом формате для СССР в конце концов дошел и Горбачев (или у нас прочел, КГБ ему обо всех наших шалостях доносил), предложивший в 1991 году новый Союзный договор. Но поздно пить нарзан, когда печень отваливается, а ведь еще на пару лет пораньше его бы приняли на – ура даже упертые прибалты. В общем, как говаривал Наполеон, самая большая безнравственность, – это братья за дело, к которому ты непригоден. Впрочем, бездарно – непригодный как реформатор и созидатель, Михал Сергеич оказался очень даже пригоден и успешен как разрушитель, породив, в политическом смысле, целую плеяду губителей, которые не переводятся в нашей стране до сих пор.

ДЕТОНАТОР ИСЛАМСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

Уменя, сотрудника академического института, возникла не совсем научная, а может и совсем антинанучная, но печенкой чую, что верная гипотеза. Хочу поделиться радостью открытия. Причин для недавних мятежей в Северной Африке и на Ближнем Востоке (некоторые победили и называются революциями, другие еще в ранге беспорядков) было много – и объективных и субъективных. Все знакомо и нам. Тут и коррупционное срастание бизнеса и власти и огромное социальное неравенство и выборы без выбора с самопереназначением все тех же опостылевших, оборзевших от всевластия и безнаказанности вождей. Это объективные обстоятельства. Субъективно – и верхи уже плохо спят и заготовили себе заграничные «азеродромы», и низы, включая униженный и оскорбленный средний класс, морально созрели, чтобы всю эту прогнившую крышу если не снести, то хотя бы отправить заворовавшихся «слуг народа», условно говоря, с чемоданами в Лондон или на оффшорные острова. И популистские разводки «национальных лидеров» по части народных джамахирий и фронтов уже не приводят в священный трепет даже наивных и доверчивых.

Возгореться пламя революций может в десятках стран мира. Но в большинстве из них все на удивление тихо. Вспыхнули они (и еще вспыхнут) прежде всего там, где не было сексуальной революции – в арабско-исламском мире. Не будем сегодня об интернете. Он распространен не меньше и где-нибудь в ЮАР и разной прочей Намибии (да и у нас). Проблем там и

сям не меньше, но пока все относительно спокойно. Интернет с его социальными сетями, если брать в политическом разрезе, – игра молодежи с огнем, которая может, с внешней помощью или без, взорвать пороховую бочку только там, где порох особо сухой. Поговорим о главном, на мой взгляд, детонаторе именно исламских революций.

Возьмем вторую, после ЮАР, по уровню экономического развития страну Африки – Египет (обе страны активно претендуют представлять Африку в Совбезе ООН). Население – 82 миллиона человек (ох, как вроде бы недавно смотрел в школьных атласах, что их там двадцать). В стране для них есть долины Нила и несколько курортных оазисов на Синае, дальше пустыня. Молодежи много, свыше половины населения – до 22-х, в традиционных семьях по 6-7 детей. Заняться им особо нечем. Работа найдется от силы для одного-двух, для остальных ее нет и вероятно никогда не будет. Накапливается энергия отчаяния.

Уровень образования повышается, элементарно выжить есть на что – дешевые лепешки субсидируются американской помощью. Но даже для занятых – средняя зарплата где-то 100 долларов в месяц (кому-то еще столько от туристов на чай). Нужно копить на калым, – выкуп за невесту, – много лет и жениться в молодом, гиперсексуальном возрасте не по средствам, а сексуальной добрачной свободы для молодежи в мире ислама нет. Беспощадная кара скорее всего найдет незадачливого любовника еще до сурового шариатского суда – его поймают и растерзают братья или другая мужская родня «обесчещенной» девушки (зато как они все любят русских женщин!). Ну, богатые как-то находят дома и за границей платные выходы из положения, а у огромной массы молодых и по-южному горячих парней, попросту выражаясь, «сперма на глаза давит» и «срывает крышу» (у ставших шахидками молодых вдов, альтернатива для которых – только гражданская смерть в своей общине, «крышу» тоже срывает»). Впрочем, тяжесть последствий любовного греха для мужчин я может быть несколько преувеличил, но уж девушке/женщине, переступившей запрет,

точно пощады не будет. Вспоминаю обошедшую мир несколько лет назад фотографию повешенной в Иране 16-летней девушки, посмевшей вступить в связь с мужчиной. Так что, куда ни кинь...

Огромный постоянный стресс, не давая нормальной разрядки «вниз» дает буквально взрывной выход «вверх». А причин и поводов выйти на площадь или взлететь на бомбе, как я уже сказал, хватает. В Египте и Тунисе удались почти бескровные революции, хотя неясно, что впереди и кого будут завтра бить. В Египте радикальные исламисты уже бьют христиан-коптов. В других местах – Ливии (самой богатой из восставших, здесь силен фактор внешне-го вмешательства, но и от полувековой диктатуры самовлюбленного террориста Каддафи полстраны действительно тошнило, и, хотя легко отнимавший жизнь у других диктатор получил то, что заслужил, лучше бы его судили: он мог бы рассказать много интересного про своих недавних западных «друзей»), Сирии, Йемене – льются реки крови. Полигоном мирового терроризма стал оккупированный американцами Ирак. Просто упомянем без комментариев Афганистан, Иран, Пакистан, Северный Кавказ.... Вообще говоря, террористы-смертники и любые прочие, легко идущие на смерть в социальных катаклизмах, экстремисты-радикалы-фанатики – в мире это наверное на 9/10-х исламская молодежь (прошу прощения у умеренных мусульман и никак не покушаюсь на их религиозные чувства). Думаю, что именно мощный выброс нереализованной, «загнанной в котел» энергии молодежи в странах и регионах сексуальной несвободы (при наличии, конечно, всех прочих «солидных» предпосылок) играет важную, если не ключевую роль в запуске исламских революций и распространении терроризма. Страны «арабской весны» ждет новая, еще более жесткая исламизация (она уже идет) с неизбежной (поскольку никакие социальные проблемы она не решит и решить не может) канализацией энергии масс в джихад, большую войну.

Не будем обольщаться положением в чернокожей Африке – там за сексуальную свободу и вседозволенность при полном бескультурье в половом вопросе расплачиваются пандемией

СПИДа (особенно на Юге континента). А войны с мятежами нередко происходят в форме противостояния между христианской и мусульманской частями населения.

В России вроде нет пока крайностей Востока (все под запретом) и Запада (дебильный феминизм и разнузданная «голубизна» плюс террор против проявлений нормальной мужской сексуальности, именуемой домогательствами, превращающий сильный пол в импотентов и геев). Но страну, где и в советские времена нормального секса было на самом деле вдоволь (бывшие комсомольцы не дадут соврать), «либерасты» при поддержке с Запада всевозможными Страсбургскими голубятнями сейчас усиленно толкают в западном направлении: не можешь – научим, не хочешь – заставим, гей-парадами всех достанем! Но есть и более серьезные опасности.

Уже до половины населения столицы нашей родины Москвы составляет легально и нелегально проживающее здесь азиатское, в основном исламское население (одних таджиков, узбеков и азербайджанцев по полтора миллиона) со своим специфическим и очень отличным от русского укладом жизни, менталитетом, верой, со своими быстро укрепляющимися за счет наркотрафика и других «прелестей» этническими мафиями и т.п. Конечно, какое-то количество мигрантов у нас всегда было, и они постепенно и естественно вросли в системообразующую русскую трудовую и культурную среду. Сегодня же их количество лавинообразно переходит в иное качество социума, грубо ломая этнокультурный баланс. В своей стране, в своем городе мы все чаще ощущаем себя «не дома». В последние годы в нашу страну из таджикского и узбекского средневековья хлынули новые миллионы пока бесправных и почти бессловесных (не знающих русского) работников, которым можно платить в два-три раза меньшую зарплату, чем лишенным работы и запертым в депрессивных районах миллионам коренных россиян. Толпы «излишков» полуголодной среднеазиатской молодежи уже бродят по просторам золотого кольца Москвы в поисках при-

работка или «где-чего украсть» (социальная напряженность растет и местами уже прорывается вспышками насилия).

В гендерном, так сказать, отношении, это в основном, молодые мужчины, число детей и женщин тоже растет, но их сравнительно мало. Своих женщин, кроме жен, горячим среднеазиатским и кавказским парням трогать нельзя, а русских можно. Пока проблема отчасти смягчается избытком дешевой «платной любви». Но с достижением определенной критической массы южной молодежи (когда почти каждую симпатичную славянку в открытой одежде будут активно обступать в ее дворе и подъезде толпы представителей, скажем так, иной цивилизации, претендующих, кстати, не только на женщин, но и на свои «Косово», введение шариатских судов и т.п.) русская, опять же в широком культурном, не обязательно национальном смысле, и пока еще на удивление пассивная молодежь может так «раззудить плечо», что события на Манежной площади покажутся играми в детской песочнице. Движение против нелегальной иммиграции у нас запретили, а с грядущими миллионными флэш-мобами у стен Кремля что делать будут?

Часть вторая

Отрывки из ранее опубликованных книг Ю.С. Скубко

ОППОЗИЦИОННАЯ ПАРТИЯ

(из «Заметок по истории ДС – первой оппозиционной партии в СССР» М. 1995)

«Сразу после предыдущей провокации, совершенной 21 августа, так называемая инициативная группа, состоящая из Новодворской, Дебрянской, Кузина, Скубко и других скандально известных активистов ДС, «уведомила» исполком Моссовета о намерении провести митинг, приуроченный к «70 годовщине объявления «красного террора». При рассмотрении этого обращения было учтено, что союз уже проводил мероприятия провокационного характера, использовал проходящий в стране процесс демократизации в антиобщественных, антисоветских целях, допускал...нарушения общественного порядка...под флагом «демократии» горожан, гостей столицы по сути лишили любимого места отдыха, превратив Пушкинскую площадь в сценическую площадку для недостойных политических спектаклей...

«Московская правда»06.09.1988

Оргкомитет по созданию Демократического Союза собрался на свое первое заседание 2 апреля 1988 г. Собрали четыре рабочих комиссии по подготовке программных документов в таком составе:

Декларация и Устав ДС – Зверев, Убожко, Лукашев, Хрипков, Новодворская, Великолепов; политические реформы – Лукашев, Дебрянская, Мухамедьяров, Кузин, Новодворская, Убожко,

Царьков, Стариков; социально-экономические реформы – Дебрянская, Денисов, Скубко, Стариков, Елисеенко, Мухамедьяров, Царьков; правовые – Елисеенко, Кузин, Убожко, Лащивер.

Фракционное деление наметилось еще в Оргкомитете. Рассадниками классического «буржуазного либерализма» выступали, конечно же, руководители семинара «Демократия и гуманизм» (В. Новодворская, И. Царьков и др. – Ю.С.). Мы с Кузиным и Лукашевым образовали социал-демократическую ячейку, выступая за смешанную многоукладную экономику и поиск «золотой середины» между неограниченной властью государства и неограниченным произволом частника, который может быть не менее страшен. Нужно сказать, что фракционное строительство мы так никогда и не завершили, влекомые общепартийным делом.

Как потом напишет Майкл Макфол, «Демократический Союз представлял коалицию либералов, социал-демократов, анархистов и даже коммунистов, объединенных, однако, двумя возмутительно радикальными для Советского Союза 1988 года задачами: развенчание культа Ленина и создание многопартийной демократии. ДС не собирался помогать Горбачеву добиваться успеха в его реформах, выступая скорее за свержение всей системы целиком». (Michael McFaul, Sergey Markov «The Troubled Birth of Russian Democracy». Stanford., 1993).

Большим начальным успехом ДС я считаю включение в нашу когорту младомарксистов из МГУ, Андрея Грязнова и Александра Элиовича, физиков и философов. Именно они и образовали у нас фракцию демокоммунистов. Армянское радио было глубоко право, когда на вопрос о том, кто есть злейший враг коммуниста, ответило: «другой коммунист!» Не было в нашей партии более непримиримых врагов КПСС, за исключением, может быть, самой Новодворской, чем эти марксисты – антиленинцы. Хорошая теоретическая подготовка и отчаянная смелость во всевозможных запрещенных акциях делали их просто находкой для партии...

Готовили документы в большой спешке, было не до отде-

лочных работ: ждали, что нас в любой момент прихлопнут и поэтому хотелось успеть выкрикнуть главное, что тогда наболело, без чего, казалось, нельзя дальше жить.

«Человек рождается свободным, и нет ни одной идеологии, ни одного социального идеала, который возместил бы ему утрату этой свободы.

Исконное право человека – это право на сомнение, поиск, на несогласие с большинством, на заблуждение и на отстаивание своей концепции. В сущности, свобода – это право быть против.

Этой свободы мы постепенно лишались с октября 1917 года, пока не лишились ее совсем, и это предопределило весь дальнейший ход нашей истории».

Это строки из нашей Декларации. Спрашивали, а где у вас анализ расстановки классовых сил в стране, на какие слои, на какие структуры мы будем опираться в попытке свалить существующий строй? Где эти самые демократические силы, которые нас поддержат? А мы сами не знали. О готовящейся за кулисами номенклатурной революции еще не догадывались...

Не знаю, насколько действия тех или иных структур тогдашней власти были осознанными, но сегодня, по плодам ее видно, что перестройка очень четко выполнила социальный заказ российского и местных, национальных кланов номенклатуры КПСС.

Классу начальства (по выражению Льва Тимофеева) нужно было освободиться от пут коммунистической идеологии, связывавшей власть предрержащих своего рода общественным договором о поддержании «благополучия трудящихся» на определенном, как мы теперь видим неплохом уровне, в обмен на политическую лояльность. Освободиться, чтобы открыто и цинично ограбить народ до нитки под предлогом перехода к рыночным отношениям («освобожденные» цены в одночасье обесценили сбережения десятков миллионов граждан, даже на похороны не осталось...)... Расгосударствление всей экономики породит в наших условиях лишь беспредел хищничества...

Российская и национальные партократии действительно выбрали для себя капитализм, чтобы легализовать свое владение колоссальным «общенародным» имуществом и природными ресурсами бывшего СССР. Наивных же идеалистов-неформалов, искренне боровшихся за идеалы свободы и демократии, ловко использовали в качестве дымовой завесы этой номенклатурной революции.

А может, нынешний пир хищников – это и есть долгожданное царство свободы?...

Еще 9 апреля решено было провести Учредительный съезд в Москве с 7 по 9 мая. Так что у плотно наблюдавшего за нами КГБ было достаточно времени тоже, на предсъездовскую, так сказать, вахту. И сорвать съезд могли превентивными арестами, и разогнать в первый же день... Ничего этого не было сделано. Думаю, что в какой-то мере мы были для мимикрирующего КГБ, да и для «команды Горбачева» своего рода опытной лабораторией: мы генерировали и внедряли в общественное сознание какие-то новые идеи и понятия, образцы гражданского поведения, а власти смотрели, что из этого получится и чем можно поживиться в плане безопасного для номенклатуры идеологического переодевания. Нас клеймили и власти и «умеренные демократы», но и те и другие действительно буквально смотрели нам в рот и тащили с нашего творческого стола все подряд.

Взять историю с возрождением из небытия трехцветного флага. В начале марта 1989 года, в годовщину Февральской революции, мы решили вынести на площадь бело-сине-красный триколор – флаг дореволюционной России, который взяла на вооружение Февральская революция, освободив его от имперской символики. Площадь мы избрали почему-то имени Маяковского. Вызвавшийся на роль знаменосца редактор партийной газеты «Свободное слово» Эдуард Молчанов был награжден ударом омовской дубинкой по голове. Наградить бы его сегодня настоящей наградой, да ведь с презрением отошлет ее, я думаю, обратно. Сегодня и я бы постеснялся стоять под этим флагом после «черного октября» прошлого года, когда тот же

ОМОН, уже осененный триколором, зверски избивал выводимых из Белого дома безоружных депутатов (среди них оказался и Олег Румянцев, секретарь конституционной комиссии и мой недавний товарищ по клубу «Перестройка»). А тогда, в марте 1989-го, появление триколора произвело должный эффект. Ну, а потом, с августа 1991-го этим флагом прикрылась уже победившая номенклатурная революция...

Хотя и мы были отнюдь не столь бесстрашными, какими хотели казаться, да и не все понимали в политических играх «наверху», ... наш расчет оказался правильным. Политические процессы над оппозиционерами были горбачевскому режиму не нужны, да и не представляли мы, ввиду своей малочисленности и беззубости (отказ от насилия) для него реальной угрозы...

При всех накладках и огрехах, объективных трудностях и т.п., материалы нашего съезда дали много пищи для ума думающим и оказали влияние на «менталитет» общества. Все это при том, что наше влияние ограничивалось возможностями ДС-овского самиздата (западные средства массовой информации освещали нашу деятельность скупо) и теми крохами информации, которые проходили сквозь сито официальной пропаганды, лепившей из нас врага...

Хочется вспомнить одно актуальное ныне положение, связанное с распадом СССР. «ДС выступает за преобразование СССР в демократическую конфедерацию» – таков был для нас желанный итог процесса суверенизации республик, а вовсе не принудительное разрушение единого экономического, политического, а главное, человеческого или, как сейчас говорят, гуманитарного пространства, которое мы привыкли ощущать (понимая, конечно, что тех аннексировали, этих депортировали...) своей родиной. Выступая за самоопределение наций, мы считали необходимым «придание национального статуса отдельным территориям, имеющим компактное национальное население», что в случае своевременного принятия воспрепятствовало бы, в частности, дискриминации славянского населе-

ния республик бывшего СССР (упомянутое положение вошло в один из последних горбачевских законов, – о механизме выхода из СССР, принятого в 1991 году, когда было уже слишком поздно...)...История повторяется и, как сказано в книге Экклезиаста, есть время разбрасывать камни и есть время собирать камни. Центробежные процессы сменяются центростремительными и вовсе не исключено, что завтра на постсоветском пространстве возникнет новый Союз, например Евразийский, как предлагает президент Казахстана Назарбаев...

Первый раз я обратил внимание на Жириновского, когда он ораторствовал перед толпой делегатов съезда у опечатанной милицейскими погромщиками дачи в Кратово (дача правозащитника Сергея Григорьянца, где мы собирались провести заключительный день съезда, но пришлось завершать дебаты на железнодорожной платформе.- Ю.С.).

Жириновский кричал, что он юрист и предлагал составить и куда-то везти то ли ноту протеста, то ли петицию властям... (Кому-то, полагаю, внедренному в наши ряды,- Ю.С.) было поручено выкрикивать имя Жириновского, когда начнутся выборы руководства ДС. Как вспоминает в своих мемуарах Валерия Новодворская, Жириновский даже отказался вступить в ДС, однако соглашался им руководить, предлагая принять все условия коммунистов, чтобы потом «вонзить им нож в спину». Я помню, что он предложил ДС признать советскую конституцию и заявить, что мы создали свою партию «в интересах строительства коммунизма». Конечно, это предлагалось «по тактическим соображениям», однако в подобные игры никто, кроме Жириновского, играть не хотел. Мы ведь и создали оппозиционную партию для того, чтобы бросить открытый вызов системе. Поскольку Жириновский долбил свое, не умолкая, просто срывая нам работу, было решено корректно от него избавиться. Ввиду того, что люди из Питера и некоторых других городов были депортированы, мы признали избрание Центрального координационного совета (ЦКС) неправомочным в их отсутствие и до следующего съезда закрепили «исполняющими обязанности»

членов Оргкомитета, куда Жириновский, возникший на съезде как джинн из бутылки, естественно никогда не входил.

Съезд закончился. Мы выстояли и победили. Оппозиционная партия в СССР есть! Душевный подъем хотелось воплотить в действие. И вот мы, члены ЦКС (Центрального Координационного Совета. – Ю.С.), не все, а человек девять, что порешительнее, и несколько примкнувших «рядовых» направились на Пушкинскую площадь поучаствовать в общенародном празднике 9 мая. Материалы съезда еще не были распечатаны, а оказались под рукой только несколько пачек листовок с требованием об освобождении политзаключенных (продолжали сидеть по политическим статьям УК еще сотни наших сограждан). Их мы и захватили с собой. За нами следом, почти не скрываясь, шли «топтуны» КГБ. Вот мы на площади. «Командующая парадом» Новодворская выходит под свет прожекторов (дело было уже вечером) к Пушкину и начинает говорить в толпу, что, мол, сегодня отмечается праздник победы над фашизмом внешним, а фашизм внутренний еще не побежден, для победы нужно сломить монополию КПСС на власть, что мы создали оппозиционную партию... Тут ее берут «под белы ручки» два офицера милиции и аккуратно влекут к поджидающему автобусу. Воспользовавшись общим вниманием к Валерии, включаемся мы, разбрасывая из темноты веером свои пачки листовок. Но нас не забыли. Откуда-то сзади-сбоку получаю крепкий удар в челюсть и падаю, успеваю спасти очки.. То же примерно заработали и партайгеноссе. Нас тащат в автобус к уже поджидающей нас там Валерии, которая громко выражает нам, пострадавшим от рук «фашистских извергов», свое сочувствие. Нас (в списке задержанных были также И.Царьков, А.Зверев, Н.Кириллов – бывший «воин – интернационалист», и А.Попов) везут в ближайшее 108 отделение милиции, где в протоколе допроса в графе «партийность» мы впервые гордо пишем «член партии Демократический Союз»...

Уже в первом Бюллетене ДС (май-июнь 1988г.) даны контактные телефоны партийных организаций в Москве, Питере, Архан-

гельске, Иркутске, Свердловске, Новосибирске, Саратове и Киеве; в последующих счет уже пошел на десятки (городов.-Ю.С.)...

Работать в других неформальных организациях после Учредительного съезда ДС стало тяжело. «Не жди, не бойся, не проси», – восприняв, не на словах, а на деле именно такое отношение к властям, мы стали самыми внутренне свободными людьми в стране, в то время как остальные демократические организации еще стояли на полусогнутых.

Формально почти все, за что мы тогда боролись, сегодня признано всеми, включая власти. Отчего тогда жить стало хуже?...

«Никто из членов ДС не вошел в когорту сегодняшних ведущих политиков...ДС действовал не для себя, а за идею. Но я думаю, его основателям будет приятно, если нынешний цвет наших демократов лишний раз вспомнит, что путь в политическую элиту им помогли открыть шумные и невоспитанные хулиганы из ДС»

Это – оценка роли ДС питерского учителя истории А.Скобова. Но все же я думаю, что никто из ДС-совцев в нынешний политический истеблишмент не вошел не столько из-за своей извечной «внесистемности», сколько из-за чувства омерзения, вызываемого деятельностью «нынешнего цвета демократов», в благодарности которых мы отнюдь не нуждаемся.

Собственно, сказать такое о позиции всех основателей ДС я не могу. Стыдно за Валерию Новодворскую, которая сегодня рвется в эту самую «элиту», но ее пока придерживают в лакейской (написано в 1994 году, – Ю.С.)...

Поднимая планку оппозиционности все выше и выше, ДС неизбежно, несмотря на свой «ненасильственный» устав («член Демократического Союза безоговорочно отрицает террористические и другие насильственные методы политической борьбы, как несовместимые с идеалами свободы, гуманизма и демократии»), эволюционировал от пацифизма и гандизма в сторону все более ожесточенной конфронтации с властью, а значит и оправдания тех или иных «справедливых» форм насилия.

В день открытия партконференции КПСС, кажется, 25 июня (1988 г.-Ю.С.) мы стояли на Пушкике (Пушкинской площади.-Ю.С.) рядом с сервильными «демократами» из Московского народного фронта, вышедшими приветствовать начальство с красными флагами и портретами Ленина и Горбачева. Стояли, значит, человек 50-100 ДС-овцев и нагло орал на всю площадь: «Долой самодержавие КПСС! Свободу!Свободу!», подкрепляя ту же мысль соответствующими плакатами. Нас оцепляла милиция, мы прорывались, кого-то утащили в автобусы, задержали – отпустили...

Верно заметил когда-то Ильич (сволочь был, но не дурак ведь), что революция – праздник для трудящихся. Мы и ходили на первые бунтарские акции как на праздник. Надо же, после двадцати лет уже трупного коммунизма (а казалось – вечного) наконец то прорвался ветер перемен. Добьемся – не добьемся больших перемен, но хоть покричим вволю. Первые запахи революции – еще не крови: дурманит цветение возрождающейся природы. Свобода от всех запретов, любовь – так, наверно, проходили первые маевки в начале века. 28 июня на партконференции выступил Горбачев... К нашей радости в «высочайшем» докладе было упомянуто создание оппозиционного правящей партии Демсоюза... В тот день я ввязался в потасовку с гебней в штатском на Пушкике, что в общем было для меня нехарактерно: от участия в «акциях» гражданского неповиновения обычно не уклонялся, но и не лез в первые ряды...

Слава Богу, что не дошло у нас дело до настоящей гражданской войны и ничьей кровью наша партия не замаралась... А то ведь «белобольшевицкий маразм» в наших рядах крепчал...

Обычно, перечитывая анти-ДСовские статьи в советской официальной печати, только успеваешь дивиться глупости и недалекости авторов, защищавших от наших нападок уже дышавшие на ладан мифы о « добром дедушке Ленине» и т.п... Но вот наталкиваюсь в январском номере газеты «Каретный ряд» (выходила такая в Москве под крылышком какого-то райкома) на высказывания некоего казенного философа В. Вьюницкого в статье «Зачем винтовки Демократическому Со-

юзу?», которые чуть не стали пророческими: «ДС оказался в той же ситуации, что и первые русские народники. Они, как известно, пытались добиться своих целей агитацией, словом, ожидая что от них режим рухнет. А когда расчет не оправдался, часть народников встала на путь террора».

Как возникло «Письмо двенадцати» (с призывом к вооруженному восстанию, расколовшим ДС.-Ю.С.)? Толчком послужили события в Литве.

В самом начале 1991 года Горбачев предпринял неуклюжую попытку притормозить процесс распада СССР, ударив по прибалтийским сепаратистам, но гадко, исподтишка, с помощью спецслужб. И, конечно, сам Горбачев «ничего не знал» – ему завсегда утром докладывали, чтоб не нарушать мирного сна, что где-то кого-то уже убили саперными лопатками, как в Тбилиси, или куда-то войска ввели... (как хорошо заметил бард Александр Дольский: «Горбачев был очень умный. Он никогда ничего не знал... Поэтому его не убили»).

Будь он тверд и последователен хоть в каких-то принципах... Впрочем, это был бы тогда уже не Горбачев....

Но в январе 1991 г. вся демократическая общественность России была возмущена страшно тем, что творилось в Вильнюсе и Риге, где «неизвестными» были взяты штурмом телецентры, убиты мирные люди. Отовсюду торчали уши Горбачева и Крючкова, но те по-страусиному прятали свои недалекие головы в песок.

Теперь само письмо и баталии вокруг него на V съезде ДС.

«Истребление тиранов» – так когда-то Набоков назвал свой рассказ о злодеяниях Сталина...

Преступив закон, гласящий, что жизнь человека – святыня, Горбачев сам поставил себя вне этого закона. Отныне ни законы божеские, ни законы человеческие не защищают его и других военных и государственных преступников от гнева народа и руки мстителя... Отныне народ приобретает право на свержение преступной власти любым путем, в том числе и с помощью вооруженного восстания. Политический режим, заливающий страну кровью, должен быть низвергнут...».

Это был конец того ДС, который мы создавали. Из основательниц партии письмо подписала одна Новодворская, а характерный высокопарно-истерический тон его свидетельствует о том, что Валерия по-видимому была и его единственным автором. И все же собрать необходимое количество голосов для признания этого документа несовместимым с нашими принципами на съезде не удалось. Партия просто рассыпалась. Процесс умирания – отдельная неприятная тема и не хочется в нее вдаваться. Скажу только, что «революционная» фракция Новодворской лишилась главного политического инструмента, нашей и вообще крупнейшей по тиражу и влиянию неформальной газеты демократического направления «Свободное слово», которая вместе со своим редактором, подвижником Эдуардом Молчановым, «ушла», ну и так далее...

Я не был делегатом съезда, только что вернулся из долгой поездки, но пришел, посмотрел, послушал и молча вышел. Было такое ощущение, что почва уходит из-под ног и ничего нельзя с этим поделать. Дело не только в пресловутом письме, что-то невообразимо гадкое происходило в разваливающейся стране... не хотелось помогать ее дальше разваливать...

Через несколько месяцев какая-то газета назовет подборку материалов о развале ДС так: «ДС как зеркало русской революции». Может быть...

Последнее появление ДС на политическом горизонте, кратковременная реанимация нашего партийного детища произошла в дни августовского путча 1991 года, когда все мы, независимо от фракций и склок, поучаствовали в Соппротивлении. «Победили», но не мы...

Р.С. XX лет спустя: В ДС остались Валерия Новодворская и несколько человек из свиты, которые не дают умереть исторической памяти о нашем почине. У нас была скорее протопартия. Многопартийной демократии в стране до сих пор нет. Вспоминная немислимую легкость краха СССР, невольно задумываешься о предопределенности исторических событий.

МАГИЯ ИСКУССТВА

(из монографии «Очерк истории
южноафриканской живописи». М., 2006)

Новая культурная эпоха началась в Южной Африке с колонизации района Мыса Доброй Надежды (Капская колония) голландской Ост-Индской компанией в XVII веке. В 1795 г. Капская колония переходит в руки англичан. Коренное африканское население, бушмены и готтентоты, творцы наскальной живописи, охотники и собиратели, постепенно вытеснялись с юга европейскими колонистами (англичанами и бурами) и с севера африканскими племенами банту, чтобы оказаться к настоящему времени (их осталось всего несколько тысяч человек) запертыми на бесплодных землях пустыни Калахари.

Как отмечается в современном южноафриканском культурно-этнографическом обзоре « в XVIII и XIX веках представители маленького народа сан рассматривались и колонистами и другими африканскими племенами как нижестоящие существа и многие из них были истреблены». К этому можно добавить, что значительная часть была ассимилирована – в первую очередь зулусами. Считается, что последние художники-бушмены (сан) умерли около столетия назад.

Древние наскальные росписи бушменов-сан, вовлеченные в «культурный оборот» только в XX веке, вместе с тем уже стали источником творческого вдохновения для целого ряда современных южноафриканских художников, как черных, так и белых.

Специалисты по истории искусства Запада и России в 20 веке легко узнают в перипетиях и действующих лицах южно-

африканского искусства те самые стилевые и содержательные моменты, которые наблюдаются в странах Европы и Америки, то есть модернизацию, соотношение с авангардом, абсорбцию авангардных экспериментов в искусство салона и рынка, взаимодействие «городского» и «белого» искусства, с одной стороны, с искусством племенным, почвенным, фольклорным и шаманским – с другой стороны.

Как и в Сахаре, древние рисунки находят преимущественно в горах. Наскальные росписи Южной Африки широко известны благодаря своим высоким художественным достоинствам и этнографической ценности. Выразительность фигур людей, животных и всевозможных мифических существ, сложные их композиции, динамизм, блестящее художественное исполнение как полихромных росписей, так и высеченных на камне рисунков – петроглифов, покрывающих стены пещер и гротов, ставят исследователя перед загадкой: как могли сочетаться очень низкий материальный и культурный уровень бушменов со столь высоким уровнем художественного развития и технического мастерства?

Возможный ключ к ответу на этот вопрос – в сакральном назначении рисунков. Изображенные на многих росписях танцующие, а иногда и летающие люди с головами животных – это, по мнению ряда южноафриканских исследователей, – лекари (*medicine men*)-шаманы, входящие в состояние транса, общающиеся с миром духов (в том числе и для решения практических задач исцеления, успешной охоты и т.п.

Возможно, что и росписи, восхищающие нас своим совершенством, создавались в состоянии транса людьми, посвященными в древние шаманские практики мобилизации высших психических способностей человека.

«Посредник между людьми и богами, шаман вхож во все сферы Вселенной, говорит на всех языках: зверином, древесном, человеческом; духовная сфера для него не менее реальна, чем мир осязаемых вещей. Шаман-архитектор культуры, его хождения по неведомым путям мироздания запечатлевают картины космоса... От него продолжают ждать чудес, и он их совершает, подвергая

себя истязаниям, достигая предела психического напряжения в каждом акте священнодействия... Натурфилософия шаманства состоит в одухотворении природы, образами которой расписана вся Вселенная... Путь шамана мучителен и тревожен, он бесконечен, потому что это путь превращения человека в бога, путь создания и возрождения культуры. Зрение шамана отлично от зрения обычных людей. Это внутреннее зрение, взгляд в себя или в мир, который не виден даже при ярком солнечном свете... в нем нет границ между жизнью и смертью, между божественным и обыденным». Бушмены, как и например ханты-мансийцы в России, считают, что в том, ином мире принят иной счет расстоянию и времени: шаман способен отыскать в Преисподней души давно и недавно умерших людей, проникнуть в жилища духов, исцелить с их помощью тяжелые болезни, истолковать настоящее и предсказать будущее. Все эти сакральные моменты определенным образом зашифрованы в наскальной живописи.

Так или иначе, но искусство бушменов-сан, связанное со священнодействием лекарей-шаманов, дожило до начала европейской колонизации (хотя качество поздних рисунков и росписей ниже, чем древних) и отражено в их устных преданиях, записанных этнографами в конце XIX века.

При всем своеобразии древнее искусство бушменов имеет параллели в других частях света. Памятники наскальной живописи эпохи палеолита найдены и в других частях Африки, а также в Австралии и Европе (Франция, Испания, север России).

Найденные в пещерах образцы наскальных росписей указывают на необычайное художественное дарование древнего человека. Рассказывают, что Пабло Пикассо, посетивший одно из таких мест в 1940 году, даже заявил в присущей ему полемической манере, что современное искусство не открыло с тех пор ничего нового.

Во всяком случае можно отметить, что возвращенное в «культурный багаж» человечества лишь в XX веке, древнее наскальное искусство с его пластической условностью оказалось наиболее созвучно именно искусству этого столетия, освобож-

денного, с развитием фотографии и кино, от функции «документирования» действительности и все более раскрепощенного в поисках новых форм и художественных решений.

В Южной Африке, как и в Сахаре, живопись находят обычно под нависающими скалами, в небольших пещерах и гротах.

Использовалось как нанесение красок, так и резьба по камню (выдалбливание точек и гравирование). Врезанные изображения (петроглифы), в отличие от живописных ансамблей горных районов юга, юго-востока и юго-запада страны, находятся в основном на вершинах небольших холмов и небольших прибрежных скалах внутренних районов страны в междуречье рек Оранжевой и Вааль.

Территориальная разделенность двух направлений наскального искусства и предполагаемое более древнее происхождение петроглифов позволяют предположить авторство также каких-то прото-бушменов или вообще выходцев из других исчезнувших племен.

Рисунки, выбитые или врезанные на поверхности скал или валунов, изображают почти исключительно диких животных – антилоп, зебр, слонов, носорогов, жирафов и др. («Голова зебры» из провинции Трансвааль, «Жираф», «Носорог», музей Трансвааля, Претория).

Наиболее распространены изображения антилоп, что определенно имело и культовое значение. Древнейшие южно-африканские петроглифы небольшого размера (в сравнении с петроглифами Сахары) и вырезаны тончайшей контурной линией с применением очень острых и прочных инструментов, не исключено, что алмазов.

Если на территории Трансвааля большая часть гравированных изображений носит реалистический характер (виртуозное владение техникой пиктажа позволяло художникам изображать не только контуры предметов, но и их фактуру и даже тоновую окраску) то по мере продвижения на север характер изображений постепенно меняются, они становятся все более условно-схематическими.

Картины, выполненные красками, создавались в основном в горных убежищах. Многие «фрески» наслаивались друг на друга на протяжении тысячелетий, так что их «расчленение» представляет серьезную проблему. Интересно, что нижние, самые древние рисунки, сохранились гораздо лучше более современных, что говорит о том, что бушмены со временем утратили старинные рецепты изготовления красок.

Современный химический анализ показывает, что краски изготовлялись путем смешения красителей (естественные минеральные краски-умбра, разноцветные охры, белая глина) с связующими элементами, такими как кровь или яичный белок и наносились на скалу. Материал для красок брали из земли. Минералы и цветные камни растирались в порошок и смешивались с жиром. Черный цвет получали из сажи и угля. Кисти изготовлялись из полых костей, перьев, волос и др.

Искусство южноафриканских бушменов отличается многоцветностью (полихромностью) большинства картин. В самых нижних слоях находят одноцветные (монохромные), в основном выполненные желтой охрой, отпечатки рук и отдельные, изолированные изображения животных. Затем живопись становится двухцветной и трехцветной. Некоторые картины включают хорошо скомпонованные, с соблюдением основных требований пространственного построения, группы людей и животных, сложные, насыщенные динамикой композиции сценарии охоты, угона скота, преследования похитителей, битв.

Наскальные рисунки точно и живо отражают повседневную жизнь бушменов с охотой, скотоводством и собирательством, танцами и сражениями, но не ограничиваются констатацией видимой реальности: постоянными темами рисунков являются некие магические действия, образы «не от мира сего» в виде странных мифологических созданий, духов в виде людей с головами животных и т.п. Правда, иногда это могут быть, как полагают исследователи, сцены охотничьей маскировки (фигуры охотников с луками и стрелами, у которых голову и верхнюю часть тела закрывают перья, увенчанные головой страуса).

Однако другие изображения, такие как люди-животные с головами быков, газелей, антилоп скорее всего носят сакральный характер, отражая представления бушменов о мире духов и тотемических предках человека. Встречаются также символические изображения, композиции из геометрических фигур – круги и овалы, заполненные рядами черточек или широкими мазками красок разных цветов – солярные знаки, или, может быть, неизвестные формы исчезнувшей письменности.

Сложности в интерпретации рисунков связаны еще и с тем, что современные бушмены утратили прежние художественные навыки, будучи вытеснены еще несколько сот лет назад в районы пустыни Калахари.

Остались, правда, устные предания, которые дают некоторое представление о мифологии предков, и, соответственно, сакральном искусстве. Сохранилась и практика, аналогичная шаманским камланиям народов российского Севера и Сибири: через танец с нарастающим ритмом, пение заклинаний и др. шаманы-целители вводят себя в состояние транса для вхождения, как они считают, в мир духов и получения оттуда необходимой помощи.

Согласно поверьям бушменов, дух и материя идентичны и животные, люди и духи могут взаимовоплощаться, а верховное божество, Цагн или Мантис – кузнечик-богомол (его символически изобразил южноафриканский художник Уолтер Батисс в картине «Мантис», 1966 г., хранящейся в галерее

Университета Южной Африки в Претории) может принять облик любого смертного существа.

Если изображения людей на рисунках условно-стилизованые, то этого нельзя сказать о животных. Реалистическое мастерство изображения животных в южноафриканской наскальной живописи сопоставимо лишь с очень немногими другими мировыми образцами. Уникальной является техника сокращения в ракурсе. Особенно распространены рисунки южноафриканской антилопы, так что бушменов (сан) даже называют народом антилопы.

Фигуры антилоп размером от 20 см до двух метров то скомпонованы в небольшие живописные группы, то вытянуты в длинные вереницы, более поздние работы отличает, наряду с полихромией, динамизм, выраженный энергичными стремительными линиями. Интересно отметить, что хотя животные изображаются обычно в профиль, изображение их рогов соответствует виду спереди (подобно тому как древнеегипетские художники поворачивали две левых ноги животных).

Изображения откормленных овец говорят об одомашивании животных, хотя стада появляются только в поздних изображениях и связаны по-видимому с наступлением с севера племен скотоводов-банту. На рисунках, изображающих столкновения со скотоводческими племенами, бушменам отводится роль похитителей скота.

Анализ южноафриканских наскальных изображений животных позволил сделать интересный вывод о том, что среди художников преобладали левши. Если кого-то попросят изобразить животное, скажем лошадь, в профиль, то, как правило, животное будет повернуто направо, если художник – левша, и наоборот.

Свыше 60% рисунков животных, сделанных бушменами, свидетельствуют о том, что художники были левшами. Это говорит о том, что среди бушменов преобладали левши или что художники были в основном левшами. Это хорошо укладывается в современную теорию о том, что правое полушарие мозга, управляющее левой рукой, отвечает за творческие способности человека.

Изображения людей менее детальные, схематичны, однако их многообразие позволяет воссоздать многие элементы повседневной жизни, даже плащи и прически. Женщины на картинах изображены реже чем мужчины, обычны темы заботы о детях, приготовления пищи и выкапывания съедобных корней.

У всех изображаемых художниками-бушменами женщин крупные ягодицы и толстые бедра. Вероятно это были физические характеристики, призванные обеспечить высокую выживаемость в условиях голода и засух.

Множество мужских фигур изображено с эрегированным членом. Это характерная особенность рисунков бушменов (сан) получила название «пенис ректус». Часто пенис изображен с одним или двумя штырями из кости или перьев, пронизывающими крайнюю плоть – так сказать, древний пирсинг половых органов.

Ряд картин изображают сцены охоты. На одной изображена западня для антилопы. Для маскировки охотники иногда надевают головы и шкуры животных. Оружие используемое для охоты многообразно: дротики-ассегаи, палицы, луки и стрелы и др. Рисунки свидетельствуют о постоянных войнах между соседними племенами за охотничьи угодья, а также столкновениях между бушменами и другими африканскими племенами. На одной из «батальных» фресок изображена женщина, пытающаяся помешать своему мужчине участвовать в сражении. На картине подробно показаны сражающиеся, включая истекающих кровью раненых, расчлененные тела. Часто встречаются сцены танцев. Танцуют обычно мужчины, а женщины сидят рядом и бьют в ладоши, аккомпанируя.

Мифические персонажи (возможно здесь присутствуют изображения также и некоторые исчезнувшие представители животного мира) включают несколько загадочных созданий: странное крылатое существо, змея с рогом, люди с головами птиц и быков, что вызывает ассоциации с древним Египтом. Есть большое, семифутовое, изображение змеи о двух головах(вторая голова – на хвосте). Согласно мифологии бушменов, прорыв бога-змеи к морю породил каньон «Фиш ривер». Бык – бог дождя должен был орошать пастбища, дождь и луна могли превращаться в различных животных и т. п. Ряд рисунков иллюстрировал смену фаз луны.

Представляется очевидным, что уже в раннепервобытные времена художественное творчество бушменов опиралось на мифологические представления и имело магический характер.

При этом мифологическая основа, на почве которой формировалась художественная образность, органически сочеталась с практической направленностью многих рисунков, предназначенных для достижения успеха в решении тех или иных жизненных задач. Нужно сказать, что наскальное искусство бушменов предоставляет неисчерпаемый материал для исследований и очень многие его загадки еще далеко не разгаданы, а может быть не будут разгаданы никогда...

Наряду с модернизмом, на протяжении всего XX столетия продолжается развитие искусства, не порывающего с реалистическим видением мира. Вот уже более полувека не спадает интерес как в ЮАР, так и за ее рубежами к личности и творчеству русского по происхождению, недавно умершего в Кейптауне (ЮАР) художника Владимира Григорьевича Третчикова. Высокомерно-пренебрежительное отношение к нему многих арт-критиков, считающих Третчикова не более чем «мастером коммерческого кича» (т.е. ловко сработанного «псевдоискусства»), с лихвой компенсируется огромной популярностью этого безусловно талантливого самоучки у самой широкой публики «от Кейптауна до Гонконга и Нью-Йорка».

По тиражам репродукций и эстампов, а они миллионные, «Китайка» или «Зеленая леди» Третчикова обогнала произведения многих великих классиков и современников, однако для этого самого популярного в стране и мире южноафриканского художника не нашлось места ни в книгах ведущего искусствоведа страны Эсме Берман ни в основных национальных галереях (теперь у них уже и средств нет на покупку его работ).

Жизнь «Третчи» (как зовут его англоязычные друзья) напоминает остросюжетный приключенческий роман, причем с привкусом мистики.

Рожденный в 1913 г. в Петропавловске (Южная Сибирь, ныне Казахстан), он доживал свой долгий век на вилле в фешенебельном пригороде Кейптауна Бишоп Корт.

После октября 1917-го был вывезен бежавшими от революции родителями в соседний Китай (Маньчжурию). Оказавшись

в центре русской эмиграции, Харбине, Владимир рано потерял родителей и уже с 11 лет начал зарабатывать себе на жизнь. В свободное от «черной» работы (разнорабочим в театре, печатником в типографии) время подросток самозабвенно рисовал. В 15 лет он нарисовал портреты Ленина и вождя китайской революции Сунь Ятсена, восхитившие директора Китайской Восточной железной дороги (КВЖД), которая тогда принадлежала СССР. Директор дал юному дарованию золотые рубли и направил на учебу в Москву, до которой Владимир не доехал, будучи обворован в Шанхае собственным братом и потеряв навсегда шанс стать выдающимся советским художником или сгнить в ГУЛАГЕ.

Первая из 52-х персональных выставок художника состоялась уже в 1933 г. в Шанхае (где он работал карикатуристом в «Шанхай Ивнинг Пост»), затем его нанимает художником по рекламе крупнейшее рекламное агентство британской Малайи, а уже в 1939 г. его награждает медалью Галерея науки и искусства Нью-Йорка (картина художника представляла Малайю на Всемирной ярмарке).

В Шанхае он встретил свою жену Наталью-тоже из семьи русских эмигрантов. Вторая мировая война застала Третчикову в британской колонии Сингапуре, где он работал в министерстве информации. Стремительное японское наступление разделило семью: жена с маленькой дочкой Мими сразу после внезапной японской бомбардировки 15 декабря 1941 г. успели эвакуироваться в Кейптаун, а британский военный корабль, на котором неделей позже отплыл Владимир, был постигнут и потоплен японской эскадрой (суеверный Третчиков именно этого с ужасом ждал, так как корабль, отплыв, вернулся в гавань чтобы забрать на борт какого-то британского чиновника, а возвращаться – плохая примета).

Молодой художник чудом остался в живых, получив последнее место на спасательной шлюпке только потому, что ему доверили везти чужого ребенка, и сумел за три недели добратся до Явы в уже, как оказалось, оккупированной Японией гол-

ландской Индонезии. Был брошен в тюрьму, затем, как русский (а СССР тогда с Японией не воевал) выпущен и провел в Индонезии (в Джакарте) всю войну, не зная о судьбе своей семьи. Зарабатывал на жизнь газетными карикатурами. Писал также портреты на заказ. Обладая огромной работоспособностью, трудился днем и ночью.

Встретил другую женщину, Леонору Молтемо (молодая женщина, высокооплачиваемый бухгалтер, пришла к художнику заказать свой портрет), дочь голландского пилота и малайки, которая стала его музой и любимой моделью, «Ленкой». Один из первых ее портретов – вызывающе эротичный для все еще достаточно пуританской середины XX века «Красный пиджак», накинутый на обнаженное тело полуосточной красавицы, с лежащим рядом малайским ритуальным кинжалом. Можно не сомневаться, что впоследствии репродукции этой картины украсили многие рабочие общежития. Когда много лет спустя, уже живя в Южной Африке, художник продал картину, служившую ему, по замыслу Леоноры-Ленки, своего рода оберегом, сбылось ее предсказание и удача отвернулась от него. После подряд двух тяжелейших автокатастроф, от последствий которых художник так до конца и не оправился, «намек судьбы» был понят и Третчиков выкупил обратно «Красный пиджак».

В Индонезии работы художника по достоинству оценил богатый коллекционер картин Сукарно, впоследствии ставший президентом страны. Но лучшие картины художник продавать отказался – готовился к персональной выставке. Многие написанные в Джакарте работы произведут через несколько лет фурор в Южной Африке, Америке и Европе.

Дом, в котором жили художник и его подруга, неоднократно подвергался обыскам японского «гестапо», Кемпетай, – Третчикова подозревали в участии в движении сопротивления оккупантам. Не только тогда, но и после войны Третчиков свою причастность к сопротивлению отрицал, однако неподалеку был взорван японский танкер, а в начале войны в Сингапуре

Владимир проходил у англичан подготовку к именно такого рода диверсионной работе.

На одном из спиритических сеансов, которыми увлекалась Леонора-Ленка, Третчикову было «сообщено», что его ждут живая жена и дочь (он не знал, живы ли они) и еще... мировая слава. В 1946 г. Красный крест помог воссоединению семьи и после многомесячных проволочек, связанных с неопределенным статусом художника как «лица без гражданства» (и следовавшего тяжелого расставания с Леонорой которую он вновь увидел только в 1958 г. на своей выставке в Лондоне) Третчиков отправился в путь со своим главным богатством, сорока картинами маслом, и прибыл в Кейптаун, где остался навсегда.

С первых лет пребывания и работы в Южной Африке художнику сопутствует успех у публики: на первую его выставку в Кейптауне в 1948 г. выстраивались тысячные очереди, только в 1952 его передвижную выставку в Кейптауне, Йоханнесбурге и Дурбане посетило свыше 100 тыс. человек.

Выставки художника побили все рекорды по сборам и посещаемости, его выставки уже в 50-е годы с успехом прошли в США (их посетило свыше миллиона человек, то шоу с его участием смотрело 15 млн. телезрителей), Канаде (полмиллиона человек), Англии (200 тыс. человек только в галерее Херродс) и ряде других стран. К сожалению, в те годы информация о «белоэмигранте» Третчикове не могла еще проникнуть сквозь цензурные барьеры на его родину (не говоря уже о выставках).

Картины Третчикова просты, в них нет модернистских изысков, но у художника есть свое лицо, он прекрасный рисовальщик, его произведения отличаются почти совершенным соответствием формальных средств изображения смысловому и эмоциональному содержанию, яркие смелые цвета достаточно условны (синевато-зеленая гамма лица «Китайянки» вызывает яростные споры критиков: то ли это живопись, то ли раскрашенная графика), но они работают на замысел автора, а каждая его картина – повествование.

Получается роскошный, исполненный сочными мазками, иногда чуть слащаво-пряный и всегда чуть загадочный (многочисленные восточные мотивы), иногда чуть грустный («Плачущая роза» – выпавшая из вазы роза с каплями воды) и очень мастеровской лубок – где-то между искусным ремеслом и высоким искусством. Работам Третчикова действительно присущи характерные для кича эклектизм и демонстративная красивость, доведение выразительных средств до чрезмерности, однако всякая стилизация потенциально содержит в себе возможности перехода в кич. В любом случае, работы Третчикова узнаешь сразу.

Основным выразительным средством художника, наряду с необычной и очень экспрессивной цветовой гаммой, остается линия, при помощи которой он не только очень точно изображает свои модели и окружающие предметы и рассказывает об окружающем реальном или воображаемом мире, но и организует композицию, передает движение, создает определенный ритм.

В последние годы художник страдал старческим слабоумием (за ним ухаживали жена и дочь, помогали и пятеро внуков) и уже не мог завершить свои новые работы, но хорошо налаженный бизнес по репродуцированию и копированию уже имеющихся работ Третчикова не дает сбоев.

На международном интернет-сайте художника есть каталог картин и вся необходимая информация о том, что, как и за сколько, в рамах и без рам может быть доставлено в любую часть света (копии маслом, эстампы, репродукции). Третчиков штурмом взял мировой арт-рынок, удивительно удачно вписавшись в эпоху пост-модернизма со стиранием граней между высоким и массовым искусством ...

Поначалу его работы и репродукции продавались за гроши в отделах дамского белья универмагов, а сейчас за картины художника отдают десятки тысяч долларов на аукционах Сотбис («Зулусская девушка»). Правда, к Третчикову не имеет отношения характерное для современной эпохи снижение требований к профессиональному мастерству художника – хоть и самоучка, он настоящий мастер, реалист и сказочник одновременно.

ИЗ ПЕРВОГО МИРА В ТРЕТИЙ

(из монографии «ЮАР на пути к экономике знаний: наука, университеты, инновации» М., 2011)

Развитая рыночная экономика, высококласная наука и техника, хорошее образование в ведущих университетах – важный элемент преемственности между ЮАР времен правления белого меньшинства и ЮАР демократической, стремящейся (не всегда успешно) уйти от социально-расового неравенства и развивать лучшее из достигнутого в предшествующий период. Это в теории. На практике развитие, конечно, происходит, но разнонаправленное... и ЮАР постепенно теряет и уже потеряла многое прежние «стандарты качества». Несмотря на, казалось бы, самые благоприятные условия для развития – реально работающие демократические институты, освобождение страны от пут политики апартеида и возвращение ее в число уважаемых членов международного сообщества (как и после Второй мировой войны, когда уже фактически независимый Южно-Африканский Союз принял активное участие в создании ООН), хорошая конъюнктура для основных товаров южноафриканского экспорта на мировых рынках (достаточно взглянуть на цену золота), в последнее время в стране становится все труднее жить и работать...

Руководивший правительством ЮАС в 1939–1948 гг., выдающийся южноафриканский государственный деятель, военный и философ Ян Сметс (1870–1950, бурский генерал в англо-бурскую войну, затем сотрудничавший с англичанами, британский маршал с 1941 г., ученый и философ-идеалист, один из основателей Лиги Наций и ООН) понимал необходимость создания сильного собственного научно-технологического потенциа-

ла для обеспечения реальной независимости страны. Сметс, когда-то воевавший с англичанами, а затем дослужившийся до маршальского звания и должности военного советника Уинстона Черчилля в дряхлеющей Британской империи, смог, наконец, реализовать свою мечту юности о сильном и независимом «белом» южноафриканском государстве во главе с бурами-африканерами. Подобно античным демократиям, это было государство с правами и свободами для «просвещенного» меньшинства, предоставлявшего «черную работу» для бесправного большинства. Впрочем, тогда это еще воспринималось скорее как норма, до деколонизации Африки и последующего изменения международно-правовых норм было далеко. Не стоит забывать, что до конца 1960-х гг. (до переворота в общественном сознании, связанного с убийством в 1968 г. проповедника расовой эмансипации доктора Мартина Лютера Кинга) в южных штатах США еще действовали расистские законы. Белые и негры учились в разных школах, ездили в разных автобусах и тому подобное.

Южная Африка в конце 1940-х, в 1950-х и 1960-х гг. переживала экономический бум. Белые бедняки, еще многочисленные в 20-е – 30-е годы, после Второй мировой «исчезали как класс». Считалось, что любой имевший постоянную работу южноафриканский белый мог теперь позволить себе снять виллу с бассейном и нанять одного-двух черных слуг. Разоренная войной Европа могла только мечтать о таком «рае для белого человека».

Сметс ясно сознавал, что роль главной мобилизующей силы в деле создания научной базы страны, как и на войне, должно взять на себя государство. Вторая мировая война вселила в людей веру в то, что почти любые по сложности производственно-технологические задачи можно решать при помощи науки. Для этого требовалось «только» умело соединить в одну команду ученых – «фундаменталистов» с технологами и инженерами, грамотно поставить им задачу и предоставить все необходимые материальные ресурсы. До Второй мировой во-

йны государственной научной политики практически не было, как и координации научной деятельности в масштабах страны. Создавались, время от времени, небольшие, слабосильные административные управления, мало на что влияющие, а научная жизнь происходила в основном в университетах и нескольких хорошо оборудованных, главным образом, при поддержке горных магнатов, научных институтах и лабораториях (Минтек, Ветеринарный институт в Ондерстепорте и др.).

После войны стоявшей «на повестке дня» задаче завершения индустриализации страны и превращения ее в самостоятельную державу соответствовала значительная активизация государственной научной политики и начало формирования инновационной системы страны – совокупности различных структур, вовлеченных в процесс производства и распространения знаний, превращения их в технологии и новую продукцию, товары и услуги.

Сметс привлек к решению этой задачи Бэзила Шонланда, выдающегося физика и организатора с опытом участия в военно-технических программах (созданные Шонландом радары впервые применялись англичанами в 1940 г. против итальянских войск в Эфиопии), и «процесс пошел»...

Шонланд родился в 1896 г. в Гремстауне в семье профессора ботаники и основателя университета Родса, немецкого еврея Зельмара Шонланда. Учился в Кембридже, где в знаменитой Кавендишской лаборатории (там он еще поработает в 1927–28 гг.) изучал распространение бета-частиц и написал диссертацию. Далее Бэзил Шонланд – профессор физики университета Кейптауна, затем директор института геофизики Бернарда Прайса при Витватерсрандском университете. Он занимался изучением природы молний, изобретал радары. Во время войны был мобилизован и руководил группой оперативных исследований британской армии, а затем был научным советником командующего британских войск фельдмаршала Монтгомери (хороший и далеко не единственный пример того, как ценились южноафриканские научные кадры). Вернулся в Южную Африку бри-

гадным генералом, и здесь Сметс «озадачил» его формированием на долговременной основе «союза науки и производства» путем организации головного научно-технического агентства, исследовательского и инновационного комплекса – Совета по научным и промышленным исследованиям, КСИР (Council for Scientific and Industrial Research – CSIR). Создание КСИР после соответствующих консультаций с министерствами, академическими и деловыми кругами, было оформлено в октябре 1945 г. актом парламента, согласно которому на Совет, подчиненный непосредственно премьер-министру, возлагалась двойная задача – инициировать и организовывать новые исследования и разработки, одновременно служа финансирующим агентством, привлекающим инновационные компании, иностранных (были созданы представительства в Западной Европе и США) и местных специалистов, или организуя их подготовку.

Ведущие южноафриканские ученые, поработав в лучших зарубежных лабораториях (даже в сугубо мирных областях и без всяких обязательств по отношению к государству), торопились вернуться на родину, чтобы участвовать в захватывающем строительстве нового государства. Чтобы передать ощущение эпохи, настрой деятелей науки, культуры и искусства, творивших то время и в то время, позволю себе процитировать собственную работу «Очерк истории южноафриканской живописи». Цитирую раздел, посвященный творчеству крупнейшего африканерского пейзажиста и создателя монументальных панно для общественных зданий Джекоба Хенка Пирнефа:

«Искусство Пирнефа завершило этап поисков монументальности в период становления независимого южноафриканского государства в середине XX столетия с его африканерской мифологией (мистическая связь преимущественно фермерского африканерского «фолька» с уже родной для него южноафриканской почвой, бескрайней и прекрасной землей), развитию которой художник вольно или невольно послужил. Как, очень по-русски сказано в посвящении Пирнефу одного африканерского поэта, «широта и простор земли располагают к широте

характера, а ландшафт, который приглашает к свободе передвижения, обещает свободу личной и национальной судьбы; широкие горизонты – знак великого будущего»...

С приходом к власти в 1948 г. Национальной партии здесь сформировался весьма инновационный и в лучшем («золотой век» науки, всемерная поддержка государством НИОКР и прорывных технологий) и в худшем смысле (негатив в особенности относился к социальным инновациям по части расовой дискриминации) политический режим, известный как расистский режим апартеида («раздельного развития»), который просуществовал во главе с этой партией почти полвека, до 1994 года. Режим, хотя и демократически избранный большинством белого населения, обладал многими чертами авторитарно-тоталитарных режимов той эпохи (власть в руках одной партии с ее полусекретным орденом «Брудербондом», активное вмешательство государства во все сферы жизни). Применительно к экономике это означало не только ужесточение эксплуатации (прежде всего небелого населения), но и определенные позитивные моменты, такие как ускоренную модернизацию (индустриализация и внедрение первых достижений НТР) на основе высокой степени мобилизации сильной государственной властью ресурсов экономики, включая и рыночные механизмы. Был, в частности, довольно эффективно использован интеллектуально-творческий потенциал белого населения и многочисленных иммигрантов...

Апартеид по вполне практическим соображениям сохранялся дольше всего в сфере безопасности (контроль за перемещением людей). Последнее было совсем немаловажно, как мы это видим теперь, когда, со снятием всех ограничений, волны преступности, хлынувшие из африканских пригородов, накрыли, что называется, с головой, ранее хорошо охранявшиеся жилые «белые», а заодно деловые и культурно-туристические районы городов, начиная с деловой столицы ЮАР Йоханнесбурга. Сегодня в Южной Африке от уголовного террора (в семь раз больше убийств на душу населения, чем в США) в основном

черных бандитов страдают все, невзирая на цвет кожи. Если в период правления белого меньшинства Южная Африка притягивала как магнит ученых и специалистов со всего мира, по тем или иным причинам искавших лучшей жизни (например, немцев после поражения в войнах и после распада ГДР, венгров после 1956 г., чехов после 1968 г., поляков после 1981 г. и даже ИТР из бывшего СССР в начале 1990-х гг.), то с середины 1990-х гг. начался, к сожалению, обратный процесс, причем главной причиной отъезда эмигранты называют растущую опасность проживания в ЮАР...

Всего Южная Африка может похвастаться десятью Нобелевскими лауреатами – наравне с такими гигантами, как Индия и Китай и больше, чем во многих развитых странах мира (в Испании, например, их 6), не говоря уже об Африке (отдаленно приближается лишь Египет с четырьмя лауреатами, в том числе только одним по науке). Лауреатами Нобелевской премии стали четверо южноафриканских ученых, о которых речь пойдет ниже, Нобелевскую премию мира получили Нельсон Мандела и Фредерик де Клерк (1993 г.), Альберт Лутули (1960 г.) и Десмонд Туту (1984 г.); за вклад в мировую литературу награждены Надин Гордимер (1991 г.) и Джон Кутзее (2003 г.). Интересно, что все четыре южноафриканских Нобелевских лауреата в сфере науки – Макс Тейлер (1951 г.), Аарон Клуг (1982 г., родился в Литве, но был ребенком вывезен в Южную Африку), Сидней Бреннер (2002 г.) и Алан Кормак (1972 г.), плюс наиболее известный в мире южноафриканский ученый Кристиан Барнард, получили признание именно за достижения в области медицины и биотехнологий, а также сопутствующего приборостроения. Последнюю по времени (2002 г.) получил эту премию (достижения в сфере медицины и физиологии) за «открытия в области генетической регуляции развития органов и программируемой клеточной смерти» Сидней Бреннер, сделавший успешную научную карьеру в ЮАР, но впоследствии эмигрировавший в Великобританию (он продолжает приез-

жать в ЮАР в качестве «гостящего профессора» Стелленбошского университета, который в 2009 г. присудил ему степень почетного доктора)...

Из пяти наиболее выдающихся южноафриканских ученых эмигрировали четверо (двое, уже упомянутый Сидней Бреннер и разработчик кристаллографической электронной микроскопии Аарон Клуг, – в Великобританию и двое, «победитель» желтой лихорадки Макс Тейлер и создатель компьютерной томографии Алан Кормак, – в США). Недавно ряды «нобелевских эмигрантов» пополнил талантливый писатель-африканер Джон Кутзее (уехал в Австралию), лауреат 2003 года, обвиненный АНК в белом расизме. До конца своей карьеры работал на родине (и, параллельно, в созданном им центре в Австрии) только Барнард. Хотелось бы отметить, что все они получили первоклассное образование в Южной Африке. Там же состоялся начальный, самый важный этап их научной карьеры, что позволяет, несмотря на последующие места проживания, считать их южноафриканскими учеными (каковыми и они продолжали себя считать). Точно так же получившие Нобелевскую премию 2010 года по физике бывшие российские, а теперь английские ученые А. Гейм и Н. Новоселов откровенно признают, что не сделали бы своих открытий, не пройди они в свое время школу физтеха (Московского физико-технического института)...

Аарон Лазаревич Клуг, лауреат Нобелевской премии по химии 1982 года родился в 1926 г. в литовском местечке Жялва, откуда его в двухлетнем возрасте увезли в южноафриканский город Дурбан, где семья его матери обосновалась в самом начале прошлого века, покинув уже «возгорающуюся из искры пламенем» революций и погромов Российскую империю. В 1942 г. поступил и в 1945 г. окончил со степенью бакалавра университет Витватерсранда в Йоханнесбурге, получив фундаментальные знания по биохимии, физике и математике. Его выбором стала физика. Получив стипендию Кейптаунского университета, подготовил магистерскую диссертацию (диплом) по рентгеновской кристаллографии. В 1946 г. ему была

присвоена степень магистра естественных наук и он остался работать вместе со своим наставником Р.У. Джеймсом над изучением органических соединений с помощью дифракции рентгеновских лучей. Поскольку Южно-Африканский Союз был британским доминионом, перспективному молодому ученому не составило большого труда получить стипендию Тринити-колледжа Кембриджского университета (куда он и отправился в 1949 г.) для проведения научных исследований и подготовки докторской диссертации, которую он получил в 1952 г. за исследование структуры стали. Поражает широкий спектр исследований молодого ученого на стыке разных наук: с 1953 г. он исследовал биофизические процессы, в ходе которых кислород и оксид углерода обмениваются в гемоглобине. Его работы по рентгеновскому анализу биологических молекул, рибонуклеазы и ДНК в определенной мере помогли Нобелевским лауреатам 1962 г. по медицине Уотсону и Крику установить структуру молекулы ДНК. Круг и его коллеги исследовали вирусы, вызывающие полиомелит. Опираясь на свои широкие познания и опыт в области физики и рентгеновского анализа, Круг разработал метод, получивший название кристаллографической электронной микроскопии, когда изображение, получаемое с помощью электронного микроскопа, подвергается дифракции лазерным излучением. Метод Круга позволил непосредственно наблюдать молекулы и их комплексы, получать изображение атомов большинства химических элементов. Этот метод дал возможность изучать сложные биологические системы, вычленивая и связывая воедино клеточные и молекулярные структуры. В 1970-х гг. Круг успешно проанализировал структуру хроматинов – соединений гистонов (особых белков) с ДНК, которые образуют хромосомы высокоорганизованных организмов, включая человека. В 1982 г. ему была присуждена Нобелевская премия за разработку метода кристаллографической электронной микроскопии и прояснение структуры биологически важных комплексов «нуклеиновая кислота-белок». Исследование хроматина дало ключ к структурному контролированию про-

чтения генетической информации, заложенной в ДНК, что имеет важное, если не решающее значение для понимания природы рака. В конце XX века Клуг, оставаясь в Англии в качестве руководителя лаборатории молекулярной биологии Совета медицинских исследований в Кембридже, занимался усовершенствованием своего метода (создание трехмерных карт изучаемых объектов), анализом структур ДНК и РНК, приведшего к ряду новых открытий, вирусов табачной мозаики и некоторых других. В 1995 г. за свои выдающиеся заслуги (в Англии особенно гордились южноафриканскими учеными и отдавали должное южноафриканской научной школе/школам), Клуг был избран президентом Лондонского Королевского общества, то есть Британской Академии наук.

Судьбы этих ученых свидетельствуют и о высоком уровне развития науки в ЮАР и о едва ли не главной ее проблеме – эмиграции лучших кадров. Южноафриканский врач Макс Тейлер (1899–1972, родился в Претории, столице тогда еще бурского Трансвааля, а умер в Нью-Хейвене штата Коннектикут США) сумел создать вакцину против вируса желтой лихорадки (Нобелевская премия 1951 г.), уносившей огромное число жизней, заслужив, таким образом, вечную благодарность человечества и впервые продемонстрировав миру высокий уровень развития южноафриканской науки. В его становлении как ученого важную роль сыграли традиции семьи. Его отец, иммигрант из Швейцарии, был известным ветеринарным бактериологом и руководителем ветеринарной службы страны. Макс Тейлер учился в Школе медицины Кейптаунского университета (окончил в 1918 г.), затем в Лондонской школе гигиены и тропической медицины. В 1922 г. он уже в США, в Школе тропической медицины Гарвардского университета, где вскоре начинает исследование амебной дизентерии и желтой лихорадки. В ходе экспериментов ученый сам заразился желтой лихорадкой, но, благодаря хорошему иммунитету сумел выжить и успешно продолжить свою работу по созданию вакцины против этой страшной болезни, от которой умирали миллионы людей в Африке,

Индии и странах Латинской Америки. С 1930 г. Тейлер продолжал свои исследования в Нью-Йорке, где его поддерживал Фонд Рокфеллера, сделавший его директором своей Вирусологической лаборатории, в которой ученый провел всю оставшуюся часть своей карьеры. После многолетних исследований и опытов на обезьянах Макс Тейлер и его помощник Хью Смит объявили в 1937 г. о создании вакцины против желтой лихорадки (вакцина 17-Д). После необходимых клинических испытаний началось финансируемое Фондом Рокфеллера массовое производство вакцин: в 1940–1947 гг. было произведено и использовано 28 млн. доз, что позволило практически покончить с эпидемией этой болезни (хотя, например, уже в 2004 г. автору этой монографии пришлось на всякий случай сделать прививку упомянутой вакцины перед выездом в Анголу).

За свои открытия Тейлер получил в 1951 г. Нобелевскую премию по физиологии и медицине, а затем ряд других международных наград, успешно продолжив свои вирусологические исследования, внесшие значительный вклад, в частности, в лечение рассеянного склероза.

Всемирно известный южноафриканский кардиохирург Кристиан Барнард (1922–2001) сделал первую в мире пересадку сердца в клинике Грооте Схюр Кейптаунского университета зимой 1967 г. (в 1974 г. он первый осуществил подсадку сердца). Сам Барнард не считал себя гениальным хирургом, повторяя, что его успех – лишь плод кропотливой работы и внимательного отношения к пациентам. Он учился не только в Кейптаунском университете, но и в США (университет Миннесоты), однако практиковал в основном в родном Кейптауне. Искусству трансплантации Барнард, по его словам, учился и у российского хирурга Владимира Демихова, который первый осуществил пересадку сердца собаке. Не получив официального разрешения на стажировку в СССР, с которым у ЮАР не было дипломатических отношений, он приехал как турист и не вполне легально ассистировал Демихову в подвалах института им. Склифосовского в Москве во время операций на собаках, готовя

вместе с ним революцию в трансплантологии. Демихову пересаживать человеческое сердце не разрешили, в ЮАР Барнарду никто не помешал (только по прошествии ряда лет советским хирургам позволили проводить операции, подобные сделанным Барнардом). За последующие десятилетия техника операций принципиально не изменилась. Удалось подобрать лишь препараты, эффективно блокирующие последующее отторжение организмом чужого сердца. В клинике Кристиана Барнарда оперировали как белых, так и цветных, и черных, «скрещивая» их сердцами. Здесь бесплатно лечились дети со всего мира. После распада СССР и ликвидации апартеида в ЮАР Барнард ездил в Россию. Весной 2001 г. он прилетел в Москву, чтобы забрать российского мальчика Глеба Евдокимова, которому требовалась сложная операция на сердце. Нобелевская премия обошла Барнарда стороной. Как считал сам хирург, только из-за того, что он, белый южноафриканец, получив образование и сделав научную карьеру, не уехал, как другие ученые соотечественники – будущие нобелевские лауреаты (тоже белые, они получили свои награды после эмиграции из государства апартеида), из ЮАР, а остался служить своей стране, хотя и критиковал ее расистские порядки (в том числе в опубликованном в 1974 г. романе «Нежелательные элементы»). Возможно и так, во всяком случае, о политической пристрастности Нобелевского комитета нашим соотечественникам хорошо известно. Барнарда часто критиковали за бурную личную жизнь и частую смену молодых жен (он отшучивался, что это необходимо ему для поддержания здоровья сердечной мышцы). В сентябре 2001 г. он приехал отдохнуть от последней из них на Кипр (ему было уже под восемьдесят), где скоропостижно скончался от инфаркта. Пересадить Барнарду новое сердце никто не взялся...

Алан Кормак родился в 1924 г. в Йоханнесбурге, умер в 1998 г. в Массачусетсе (США). Его родители, инженер и учительница, переехали в Южную Африку из Великобритании перед первой мировой войной и обосновались в Кейптауне. Интерес Алана к астрономии и точным наукам побудил его изучать

в Кейптаунском университете физику и математику (закончил университет в 1945 г.). Затем работал в Кавендишской лаборатории Кембриджского университета у Отто Фриша. В 1950 г. вернулся в Кейптаун, где занимался ядерной физикой, физикой элементарных частиц, а в 1956 г. увлекся усовершенствованием рентгеновской технологии. Кормак женился на американке и с конца 50-х и до конца своей карьеры работал уже в США – сначала в Гарвардском университете, а затем в университете Тафта. Анализ компьютерной обработки разности рентгеновского излучения разными по плотности тканями привела к созданию им компьютерной томографии – революционного метода исследования внутренних органов человека. Первые теоретические статьи на эту тему Кормак опубликовал еще в начале 1960-х гг., когда уровень компьютерной техники еще не позволял успешно реализовать сделанные открытия. Однако в начале 1970-х гг. созданные Аланом Кормаком и Годфри Хаунсфилдом томографы продемонстрировали блестящие результаты и оба исследователя были в 1972 году удостоены Нобелевской премии...

Очень хотелось бы написать, что в ЮАР (после апартеида.- Ю.С.) довольно успешно идет переход к экономике знаний, НТП набирает обороты, в общем, впереди светлое будущее, а проблемы и провалы объясняются трудностями переходного периода. Нужно сказать, что поначалу предмет исследования действительно виделся мне в более розовых тонах, но, по мере «погружения» в материал, цвета стали мрачнеть. Конечно, у Южной Африки было и остается множество достижений, которые я и постарался отразить в своей монографии. Несмотря на все менее благоприятную социально-экономическую и политическую среду, инерция еще недавно высокого научно-технического развития порождает новые открытия и разработки, только вот результаты все труднее реализовать в стране. ЮАР безусловно остается научным и технологическим лидером Африки. Но исследователь с хорошим «нюхом» явственно ощутит еще тонкий, но уже тлетворный запах распада.

В последние годы в Южной Африке не очень быстро, но ускоряясь, идет процесс, который моя, ныне покойная, коллега, глубокоуважаемая Людмила Алексеевна Демкина раньше других заметила и метко назвала сползанием в состояние слаборазвитости. Явных проявлений этого процесса пока немного, кроме разлива уличной преступности и деградации ряда районов больших городов. Как сказал бы Иосиф Бродский: «Римская империя времени упадка сохраняла видимость полного порядка». Золото по-прежнему добывается, хотя все меньше, интернет работает, время от времени совершаются открытия и внедряются новые технологии. Все еще строятся оснащенные по последнему слову техники объекты – суперкомпьютерный центр, продвинутые обсерватории, огромные стадионы (на последних был успешно проведен чемпионат мира 2010 года по футболу, правда тысячи болельщиков и членов спортивных делегаций, несмотря на чрезвычайные меры безопасности, были ограблены «под дулом пистолета» или просто обворованы).

На самом деле все тихо идет вразнос. Как говорят китайцы, «ваш корабль тонет, но только очень медленно». За полтора с небольшим десятилетия произошло нечто печальное и, возможно, непоправимое: уход ЮАР из первого мира, частью которого она в общем (с известными оговорками) была, в третий мир. То есть где-то переход уже свершился «по полной программе», где-то еще малозаметен, но общая линия вырисовывается достаточно определенно.

Хорошим косвенным подтверждением сказанного служит то, что ЮАР, – когда-то, конечно, далеко не идеальная (определенная степень продажности была всегда), но образцовая для Африки страна по честности всего аппарата власти от высшего до низшего звена, сейчас с каждым годом съезжает все ниже в мировом рейтинге коррумпированности (составляется авторитетной международной организацией «Transparency International»), а точнее некоррумпированности: с неплохого 32 места в последние годы апартеида и еще в 1998 г. до весьма

незавидного, хотя не худшего, 54-го в 2010. Открывают список самые «незапятнанные» развитые страны и Сингапур, а в завершающей его части – самые прогнившие режимы преимущественно третьего мира (среди которых оказалась и Россия, 154 место, рядом с Папуа - Новой Гвинеей).

«Политика «позитивных действий» (форсирование африканизации и фактическое выдавливание белых кадров, – Ю.С.) и снижение требований при приеме на работу черных привели к резкому ухудшению работы всех звеньев государственного механизма» (И.И. Филатова, А.Б. Давидсон). Примерно то же можно сказать про науку, образование и культуру, армию и полицию, ну и так далее...

Недавно распустили одно из последних боеспособных подразделений сил правопорядка (опять много общего с Россией, у нас так «вырубили» РУБОПы), «Скорпионы» (The Scorpions), еще способных противостоять организованной и неорганизованной преступности в городах и сельской местности. Конечно же, потому, что там засели «белые расисты». Пару лет назад я спросил у белого южноафриканского ученого, приехавшего на международную конференцию в Москву, как живет сейчас белым в ЮАР? Последовал осторожный ответ, что по-разному, но вот брату пришлось уйти из полиции, потому что белому там стало работать крайне тяжело и перспектив – никаких. При апартеиде, конечно, почти такой же бандитский беспредел, как сейчас, царил в черных тауншипах и бантустанах. Теперь он везде. Раньше белое и отчасти индийское и цветное население были реально защищены эффективно работавшей полицией. Теперь черная преступность свободно хлынула в города. От рук бандитов в постапартеидный период погибли сотни тысяч человек – и белых, и черных, и цветных, и индийцев (расовые мотивы есть, но не доминируют – преобладает обычная уголовщина и «бытовуха»). Убивают, по заниженным официальным данным (не включающим немногим меньшее число пропавших без вести, которых и не ищут - ослабленная и деморализованная поли-

ция боится входить в криминогенные районы) около 20 тыс. в год – и то получается свыше 200 тыс. (белых – четвертая часть), а на самом деле, значительно больше за последнее пятнадцатилетие, плюс миллионы и миллионы ограбленных, избитых, изнасилованных. ЮАР – мировой рекордсмен по числу убийств с применением огнестрельного оружия и по количеству изнасилований. Насилуют, по официальным данным, примерно 50 тыс. в год, но сообщается в среднем только один случай из двадцати, так что – примерно миллион. Такого количества убийств, покушений на убийство, грабежей и вымогательств «под дулом» (под миллион в год), плюс столько же изнасилований и близко нет не только в достаточно криминальных США и России, их нет даже в самых диких и отсталых странах (в абсолютных цифрах и на душу всего 50-миллионного южноафриканского населения). Рядом в мире только Колумбия, где по всей стране идет (или до последнего времени шла) война с наркомафией и партизанами, у тех – с армией и полицией, а также между собой и с населением, плюс вооруженное вмешательство США. Понятно, что в этих условиях весьма значительная часть южноафриканцев, которым квалификация и возраст позволяют получить работу за рубежом, уезжают или собираются уехать (опять параллель: по данным опросов, очень значительная часть россиян хотела бы эмигрировать, правда, в выездной мотивации преступность не на первом месте; хотели бы, но не могут: куда они уедут без знания языков; южноафриканцам легче, они говорят по-английски).

Количество некомпетентных людей на руководящих позициях в различных государственных и общественных институтах и структурах переходит в качество работы этих структур. Так, из-за бездарного планирования энергопотребления (а точнее отсутствия оногo) новыми руководителями соответствующих корпораций и министерств и недоовода мощностей, в стране без всяких на то объективных оснований в 2007 г. разразился острейший энергетический кризис, вызвавший тяжелые

сбои в работе всех отраслей народного хозяйства и снижение темпов роста.

В новой, затягиваемой удушливым смогом невежества вождей, социально-политической атмосфере ЮАР, науке и образованию становится все тяжелее дышать. Министр здравоохранения советовала лечить СПИД свеклой и увольняла врачей, делавших на свой страх и риск беременным и зараженным женщинам инъекции препаратов, спасавших от заражения их детей, а будущий президент уверял, что ВИЧ-инфекция легко смывается душем. Министр безопасности и правопорядка предлагал тем, кто обеспокоен ростом преступности, уезжать из страны (это уже не только невежество, но и полная безответственность) и так далее и тому подобное.

А вот новые хозяева жизни из числа нуворишей (привожу выдержку из нашей совместной с Г.В. Шубиным брошюры «Социально-экономическое и политическое развитие ЮАР в 2005-2009 гг.», М., 2009):

«Они, эти дети революции 1994 года, одеваются убийственно дорого и безвкусно, покупают самые роскошные автомобили и сорят деньгами так, как будто завтра не наступит» (цитата из южноафриканской газеты. – Ю.С.). Не правда ли, очень похоже на российских нуворишей, причем, скорее, в уходящем варианте времен бандитского передела 1990-х гг.?».

Да, среди этих новых черных капиталистов, «детей революции 1994 года», немного организаторов производства, в значительной части – это навязанные экономике сборщики дани, от которых белый бизнес просто откупается, выполняя спускаемую сверху нарастающую процентную норму по «широкомасштабному усилению власти черных» (доля черных в собственности, акциях, представительство в советах директоров, менеджменте, всевозможные льготы и привилегии создаваемым «черным» компаниям и т.п.). Понятно, что это съедает всё больше средств, которые могли бы пойти на модернизацию производства, НИОКР, инновации...

А свыше 90% научной продукции и инноваций по-прежнему выдает крошечный и все съеживающийся (замещаемый кадрами полужнаек с «нужным» цветом кожи) и стареющий контингент белых ученых и инженеров. Властям ЮАР, что называется, молиться бы на этих белых ученых действительно мирового уровня, беречь каждого и приглашать новых. Ведь у тех, на кого их заменяют, квалификация в большинстве случаев существенно ниже и немного шансов своими силами вывести экономику на инновационный вектор развития. Стране нужны социальные реформы, а не новые расовые квоты...

Представляется, что в долгосрочных интересах страны было бы необходимо перенаправить силы и средства южноафриканского государства с «широкомасштабного усиления экономической власти черных» путем внедрения все более дискриминационных расовых квот и искусственного «вскармливания» нового класса черных капиталистов, на действительно необходимые обществу реформы и практические меры. Например, такие как обеспечение общедоступного, бесплатного и качественного образования на всех уровнях, всеобщего медицинского и социального страхования, элементарного правопорядка и безопасности жизни людей всех рас. Это обернулось бы и реальным улучшением положения малоимущего большинства населения страны и положительными сдвигами в ее экономическом и научно-техническом развитии.

YURY SKUBKO

**LITERARY NOTES
OF A FORMER DISSIDENT**

Moscow 2012

Yury Skubko

LITERARY NOTES OF A FORMER DISSIDENT

Editor-in chief:

Svetlana Feoktistova

CONTENTS

Instead of Introduction..... 4

Part I. Short stories

School of young scientists 7
Feudal kingdom..... 11
International book-exchange.... 17
There is no Russia without eccentrics 22
Resort love story 26
On the of a coup anniversary 37
Detonator of Islamic revolutions 42

Part II. Extracts of previous books

Opposition party
(from: «Minutes of history of the Democratic Union –
First opposition party in USSR») 47
Magic of art
(from «Study of South African painting art history»)..... 58
From the first to the third world
(from «South Africa on the way towards a knowledge-base
economy: science,universities,innovations») 71

ABOUT THE AUTHOR

Yury Skubko was born in Moscow in 1953 in a family of artists-painters (Sergey Skubko and Lioudmila Skubko-Karpas).

In 1970 graduated from 20th special school in Moscow (with intense study of English)/ After that studied in Plekhanov Institute of National Economy (department of industrial economy), graduating in 1975. The same year started postgraduate doctoral studies in Africa Institute of the Soviet Academy of sciences (Moscow). Worked in Africa Institute for 15 years (1976-1990), last 8 years – as a researcher in its South Africa Section (now Centre for Southern African Studies).

In 1980 defended a Ph.D. in political economy, developed later into a book «New phenomena in South African Economy» (Moscow, «Nauka»1985). Published a number of research papers concerning economic and socio-political problems of South Africa.

At the end of the 80-ies in the wake of perestroika was involved in the democratic movement, becoming one of the co-founders of «Perestroika» and «Perestroika-88» political clubs, «Memorial» society and the Democratic Union party (social democratic faction) - the first opposition party in USSR.

In 1993-1996 was a doctorate student at Sorbonne-IV in Paris (Slave Department), writing about his experience in the democratic movement during Perestroika (see Yury Skubko's articles in "Les Etudes Slaves" in 1995-1997). After returning to Russia worked in 1997-2005 in several ministries (labour, sport and tourism, culture, natural resources) with an interval in 2001-2002 for work in a United Nations Development Program project in Beijing (China). From 2005 resumed work in the Institute of African Studies (Africa Institute) of the Academy of sciences, initially on a contract basis and since January 2007 in the permanent staff as a Senior Research Fellow at the Centre for Southern African Studies.

In 2006 defended a Ph.D thesis (arts) and published a monograph «A review of South African painting art» on its basis. In 2011 published a new monograph "South Africa on the way towards a knowledge-based economy: science, universities, innovations".

This latest book, "Literary sketches of a former dissident", is the authors first trial as a novelist (writer of short stories). Most stories (School of young scientists, Feudal kingdom, International book-exchange, Resort love story, There is no Russia without eccentrics,) are signed by his literary pen-name Yury Sergeyev. In the second half of the this edition extracts of three previous books of the author are published.

Отпечатано с готового оригинал-макета
ООО «Первая Оперативная Типография»
(Типография «Вишневый пирог»)
115114, 2-ой Кожевнический пер., д. 12, стр. 5
тел. (495) 994-49-94
www.cherrypie.ru